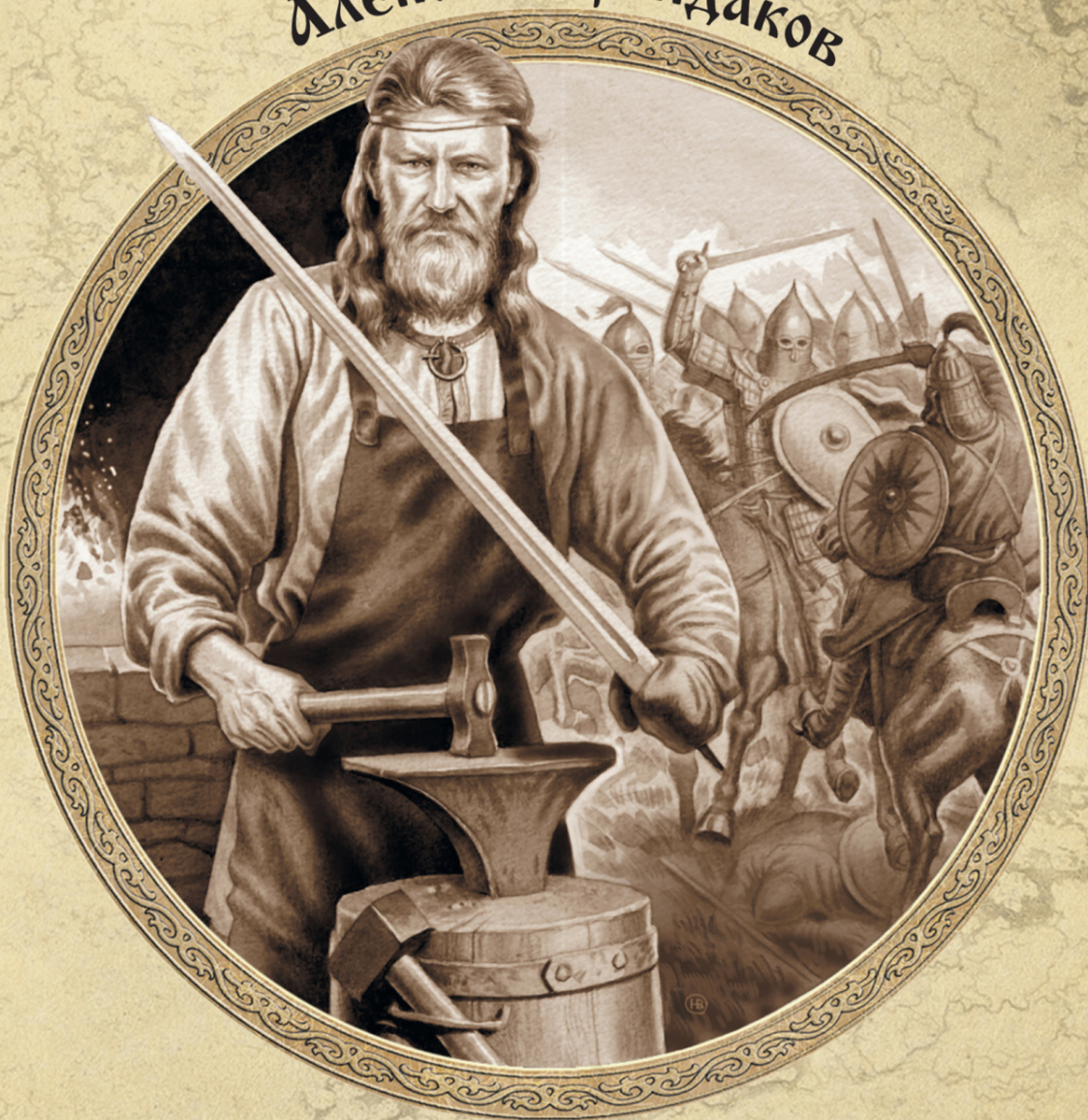

Ў истоков Руси

Алексей Пройдаков

Призраки
Калки

У истоков Руси

Алексей Пройдаков

Призраки Калки

«ВЕЧЕ»

2022

Пройдаков А. П.

Призраки Калки / А. П. Пройдаков — «ВЕЧЕ», 2022 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-8802-3

XIII век. Печально закончилась битва при Калке — татарское войско истребило почти всю русскую рать. На Руси поминают павших воинов, но, как оказалось, не все, кто считался погибшим, сложил голову в той битве. Евпатий Коловрат и его оруженосец Найдён выжили и, будто призраки, являются в Рязань, к родному порогу. И всё же рано радоваться. Это только кажется, что беда позади, а на самом деле она впереди: татары почувствовали свою силу, готовятся к новому походу, а опыт Калки мало кому на Руси пошёл в науку. Кажется, русские князья и прочие власть имущие готовы повторить недавние ошибки. Эта книга является продолжением романа «Волки Дикого поля», ранее опубликованного в этой же серии.

ISBN 978-5-4484-8802-3

© Пройдаков А. П., 2022

© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

Часть 1. Православные и католики	6
Не надо мёртвым поминать живого	6
Отпетые и помянутые	9
«Мы не умираем, нас Господь к себе призывает»	11
Мордва и булгары	15
Тоска о неволе	18
Они отомстят	21
Долгожданная встреча	27
«Земля чужая – урон наш»	32
Сумерки Суздаля	37
Трофим и Мария	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Алексей Пройдаков

Призраки Калки

© Пройдаков А. П., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2022

* * *

Часть 1. Православные и католики

Не надо мёртвым поминать живого

Кузнец Светозар жил в Южном предградии. Неподалёку от Южных ворот располагался его двор, состоящий из мастерской, хозяйственных построек и большой семиоконной избы, находящейся посредине.

В Рязани было много подобных построек: усадьбы бояр, купцов, ремесленников. Каждая усадьба, огороженная деревянным забором, состояла из подобных жилых и хозяйственных помещений.

Преобладали наземные бревенчатые дома с двухскатными крышами, но были и другого типа – полуземляночные, со стенами на деревянном или плетёном каркасе, обмазанные глиной.

Большой был двор у Светозара.

Жил кузнец не бедно, заказы получал от самого князя рязанского.

Имя Пимен, данное при крещении, предпочитал не упоминать, так же как имена сыновей: Вышата крещён Прокофием, Найдён – Порфирием.

Надо сказать, что в Рязанской земле большая часть населения так и жила: за христианскими именами всё ещё таилась языческая, славянская сущность, что, впрочем, никому не мешало поститься в срок или еженедельно посещать церковь.

Слыл кузнец волхвом, знал огненные заклинания, не боялся ходить на топкие болота, где по-прежнему обитали языческие духи. Но с ними Светозар дружил, они помогали находить железо.

Словом, всё в Светозаровой семье дышало покоем и благополучием, языческим ладом и христианскими молитвами.

Кузнец каждый день благодарил Господа, что дал ему возможность жить в этом прекрасном городе, городе мастеров.

Ремёсла – самые разные, от домниц для варки металла до ювелиров, которые производили изделия из золота, серебра, драгоценных камней.

Работали гончары, плотники, каменщики, медники, стеклоделы, резчики по кости и камню.

Все работали себе не в убыток, потому как княжеская пошлина была мизерной.

Словом, жил Светозар и радовался тому, что живёт.

Глядя на солнце, улыбался много раз на дню...

Но с недавних пор на кузнецов двор, семью, рухлядь словно наложили заклятье – курицы не неслись, корова перестала давать молоко, огонь в горне тух ни с того ни с сего, молоток валялся из рук... Светозар крепился, молчал. Старел, только иногда грозил кулаком кому-то неведомому: не искушай еси, не возропщу.

Но роптал, ибо супруга Глафира бродила по избе чёрной тенью, а молодой Вышата видел сны, пересказывать которые опасался, и доподлинно страшился, что мать ополоумела.

...В это утро 11 июля-грозника ему показалось, что худшие опасения сбываются, Глафира оделась в светлое, стала весёлой и разговорчивой.

– Мать, чего с тобой стряслось? – опасливо дрожа голосом, спросил жену.

– А и ничего не стряслось. Чего могло статься? – отвечала она, улыбаясь. – Снился мне нынче Найдёныш наш, весёлый такой, нарядный, но уставший неимоверно. И сердит на всех нас.

Светозар и Вышата разом замерли и затаили дыхание, оба верили в загробную жизнь.

– Что сказал сыне?

Глафира пожала плечами.

– Баит, мол, непотребно оплакивать меня, я вживе.

Вышата тут же залился слезами.

Светозар обессиленно махнул рукой и выбежал во двор.

Душили слёзы, кружилась голова, отрывисто бухало посредине груди.

На миг показалось, что колокольня Успенского собора съехала на правую сторону. Встряхнул головой, посмотрел снова. Нет, на месте.

Хлынула кровь из незаживающей раны: старший сын, его гордость и опора, ратник, оруженосец Евпатия Коловрата, сгинул в битве с неведомым народом на реке Калка.

Век не забыть сего треклятого прозвания!

Век его, чужеродного, не слышать!

И по подсчётам кузнеца, именно сегодня день поминовения доблестно павших Найдёна и Евпатия – сорокоуст.

Хотел было в своей избе накрыть столы да созвать родичей, но Лев Гаврилович заповедал-наказал:

– Где поминают моего сына, там и твоего тож. Они мне оба дети, так и тебе мой Евпатий – сын.

Елене снилась зелёная, пахучая, мягкая дорога, да и не дорога вовсе, а скорее широкая матерчатая дорожка, по которой она идёт с двумя рослыми, крепкими сыновьями: одного зовут Александр, а вот имени другого Елена почему-то не помнит.

Справа и слева дружным семейством, испуская невероятно приятные запахи, литым цветом – от лилового до ослепительно-белого – цветут сирень и черёмуха, яблоня и вишня, ещё радужные, причудливой формы кусты, которым нет названия.

Благодать разливается по всему телу, и блаженная улыбка освещает прекрасный лик прекрасной молодой женщины.

Небо отливает драгоценными сапфирами, равномерно поблёскивая капельками звёзд.

По мере приближения к затаённому, но благословенному прибежищу, на небесной тверди начинают отчётливо проявляться белоснежные купола сооружений, такие же, как церковные, только белые и во много раз больше.

Елена понимает, что здесь их ожидает долгожданное отдохновение и покой. Беспокойна лишь мысль: почему с ними нет Евпатия? Где он задерживается и что поделяет?

Она оглянулась назад и увидела своего единственного любимого, скачущего на вороном коне.

Приблизившись на расстояние голоса, Евпатий сказал:

– Идите, родные мои, я догоню вас чуть позже.

Строго сдвинул брови, рукоятью плети поправил кунью шапку.

– Александр, Алексей! Будьте рядом с матушкой. Хоть и недолго, но быть вам без меня. Потому будьте разумны, я скоро!

И вихрем умчался прочь.

Проснувшись, Елена долго не могла успокоиться, всё вспоминала ласковые руки мужа, его нежный, заботливый голос, его запах, родной запах.

Значит, будет у неё второй сын и зваться он станет Алексеем.

Ведь не зря Господь послал ей такой сон. Не зря!

Жив Евпатий! Её любящее женское сердце по-настоящему ликовало: жив любимый!

С утра домашние долго не могли определить, почему Елена стала такой весёлой и что означает её загадочная, неизменно тёплая улыбка.

Воспоминания ли коснулись её? Или что похуже?

Лев Гаврилович с сожалением подумал, что невестка тронулась умом.

Матушка Надежда надвинула чёрный платок на глаза и беспрестанно творила молитвы.

Сегодня, по их подсчётам, сорок дней со дня гибели Евпатия и многих северных русских витязей.

На сороковины ожидали самого рязанского князя с братом, два семейства близких родичей – Кофы и Звяги, отца и мать Найдёна, воевод, дружинников... Да и что перечислять, двор Льва Гавриловича на Подоле будет открыт для всех с раннего утра и до поздней ночи. Пусть приходят все, кто желает помянуть благородных православных витязей.

– А ведь Евпатий вживе, – тихо сказала Елена. – Я ведаю это. Сердце чувствует, его не обманешь.

– Жив, донюшка, – примирительно ответила матушка Надежда, всхлипнув, – ещё как жив.

– Негоже мёртвым поминать живого, – продолжала шептать Елена, как в забытьё. – Батюшка, умоляю вас, не надо мёртвым поминать живого. Я видела его, он говорил со мной и сказал, мол, жди, скоро приду. А детишек-то у меня стало двое, вот я о чём, – тараторила Елена, не смолкая.

Матушка завывала в голос, напугав маленького.

Лев Гаврилович сердито ударил кулаком о столешницу, дубовая по краям надломилась.

– А вы одно и то же, – добавила Елена уже спокойней, – поминать и поминать. Не поминайте мёртвым живого, вот вам весь мой сказ. Грех это!

Заплакал маленький Александр, протягивая ручонки к маме. Она взяла его, посадила к себе на колени, поцеловала в голову и прижала к себе.

Старый воин, шатаясь, вышел на крыльцо. Прямо перед ним несла свои воды Ока-кормилица.

Лев Гаврилович дошёл до воды, присел на огромный валун и сжал голову обеими руками.

– Ока, наша матушка, – шептал, не утирая слёз, – целебны твои воды, легка твоя прохлада, богаты твои недра. Многие народы живут по твоим берегам, но никто и нигде не любит тебя так, как мы – природные рязане. Распахни свои волны, забери меня, окаянного, но верни сына моего возлюбленного, верни мне Евпатия, живого и невредимого.

И зарыдал, тяжело, по-волчьи, подвывая.

– Господи, прости меня, грешного, прости мне мои языческие вопли, – бормотал сквозь рыдания. – Но тут поневоле возопишь, когда такое творится... Я должен был идти в тот treклятый поход! Я, а не мой возлюбленный сыне! Как я теперь отмолю свои грехи перед Тобой, Господи?

Отпетые и помянутые

Не щадящие живота своего на Калке, уже не единожды отпетые и помянутые Евпатий и Найдён въезжали в стольную Рязань через Пронские ворота. Солнце стояло в зените и пекло немилосердно, донимала мшица¹, зудели комары и мухи.

Друзья основательно разомлели и уже почти съезжали с сёдел.

– Давай на Оку, а, Евпатий? – мечтательно попросил Найдён. – Выкупаемся, а потом и к своим – бодрыми и свежими.

– Сначала к своим, – возразил Евпатий. – Поди, уж извелись целиком. Ужо батюшка мне задаст!

Дозорные у ворот и на башне остановили окриком:

– Стой, кто идёт!

– Кто идёт? – передразнил Найдён. – У тебя, Истома, от жары памороки всякие. Ты что, не видишь, что мы не идём, а едем. На конях.

– Найдён?! – не поверил своим глазам дозорный. Подошёл ближе, опасливо заглянул в глаза, перевёл взгляд на Евпатия.

– Боже правый!.. – только и выговорил. – Братцы, вас же нынче вся Рязань поминает. Курьян, Лавр! Это Евпатий и Найдён! Мигом сюда!

Дозорные почти кубарем скатились по лестницам.

– Отцы-святители! – загалдели радостно. – Вот кудесы-то!²

Бросились обниматься.

– Други, погодите, – сказал Евпатий. – Нас и взаправду похоронили и отпели, а нынче поминают?

– Истинный Бог! – перекрестился Лавр. – Нынче сороковины. Вся Рязань в тереме Льва Гаврилыча. А мы вот дозорим... Слышь, колокол звонит?

Над Рязанью плыл погребальный звон колокольной Успенского собора.

– Это твой братка старший Дем... нет, теперь отец Василий, приказал. Аж туга забирает. До Евпатия только начал доходить сокровенный смысл всего сказанного.

– Господи Боже ты мой! – воскликнул он горестно. – Это что ж мы с тобой натворили, друже? А теперь живо за мной!

И оба всадника, нетерпеливо понукая коней, поскакали на Подол.

«Хороший я муж, – думал Евпатий, – хороший сын и брат... А отец какой! Хорошо, Олёша (Александр) не в годах, несмышлёныш. А мать, отец, Елена!.. Она убивается, мать с отцом стареют и седеют. Ну а как я мог им сообщить, что вживе, как?»

Евпатий не искал себе оправданий, но сообщить о себе действительно было никак. Но подумал об этом только теперь, а допрежь того даже не помыслил.

Горько усмехнулся, представив, как оправдывается Алёша Суздалец перед своими.

Резные синие ворота, с райскими птичками, двора воеводы Коловрата были распахнуты настежь.

У коновязи много осёдланных лошадей, несколько крытых возков.

Двор вместителен, терем широк и высок, хозяйственных построек множество.

Тут и там деловито сновала чадь, которой внимательно руководил тиун Парфён.

Вспотевшие, запылённые, донельзя взволнованные всадники влетели на рысях, едва не сокрушив грозного тиуна, стоявшего нараскорячку, готового осадить любого посмеявшегося нарушить благочинный покой подворья.

---

¹ Мшица – мошка.

² Кудесы – чудеса.

– Ну-ка мне тут, – начал было Парфён, но осёкся. – Евпатыюшка-а-а, – проговорил жалобно и заплакал; мелко затряслись руки, старик стал оседать наземь, причитая: – Услышал, услышал нас Господь... Слава Ему во веки веков.

Евпатий подхватил тиуна вовремя.

– Вживе я, старина, будь покоен.

Бережно усадил на скамью.

Домашняя чадь повыскакивала со всех чуланов, клетей, кладовых, кухни, высыпала на переходах.

Сначала молча наблюдали, как ратники снимали мечи и шеломы, накладывали на себя крестное знамение.

Но когда они преступили порог терема, первая не выдержала ключница Агафья – заголосила на всю Рязань, остальные, не сговариваясь, подхватили.

Вот так, под бабий вой и причитания, Евпатий и Найдён вошли внутрь.

Большая горница была уставлена столами, накрытыми не то что щедро, но изобильно. Однако к яствам почти никто не прикасался, нетронутыми оставались сулеи с заморским вином, братины с медовухой, уполовни³ с сытой⁴.

Было необычайно тихо, звучал только один голос. Евпатий вслушался, это был голос его родного брата Дементия, который ныне звался отец Василий. И голос тот успокаивающе вещал о суетности мира, блаженстве загробной жизни, отданной за други своя.

Но и он замер на половине слова, только жужжание мух сопровождало гулкие шаги Евпатия и Найдёна, вошедших через резные створы дверей.

Поклонились. И сразу пали на колени со словами:

– Простите нас, родные! Простите нас, дорогие, но мы не пали вместе со своими братьями по оружию.

Все опасливо покосились на вошедших.

Никто не поверил сразу.

Шатаясь, из-за стола вышел Лев Гаврилович.

Старому воину не к лицу показывать слабость, даже перед такой неожиданной радостью. Но не смог. Сделав строгое лицо и пару шагов, грозный воевода пал навзничь, едва успели подхватить молодые дружинники.

Евпатий тоже бросился к отцу.

Дальнейшее в его памяти едва осталось.

Мёртвая тишина взорвалась криками восторга и радости.

«Оживших чудесным образом» мяли, тискали, обнимали, пытались разговорить. Но Евпатий и Найдён только кивали в ответ, ища глазами родных. Все понимали и быстро стали расходиться.

Терем Коловрата опустел. Ещё никогда люди не возвращались с поминок такие радостные.

Евпатий стал на колени перед матерью, она его перекрестила, поцеловала в голову, обняла и мягко подтолкнула к Елене.

На плече брата повисла Любомила, которая пыталась что-то сказать, но не могла.

– Довольно плакать, родная, – попенял ей. – Все беды позади.

Сынишка Александр признал отца и тянул к нему руки, радостно щебеча по-своему.

– Я знала, что ты вживе, – сказала Елена так, будто они расстались вчера и не было этих мучительных дней и ночей. – Но более не могли...

Евпатий кивнул в ответ, всей душой понимая, что обещать ничего не в силах.

---

³ Уполовни – ковши.

⁴ Сыта – разварной мёд.

«Мы не умираем, нас Господь к себе призывает»

Отец и сын Коловраты сидели под резным навесом за обильно уставленным столом, сидели в длинных тонких рубахах, разморенные, только что попарившись в мови.

Ласковый ветер с Оки веял в лицо приятной прохладой. Багровое солнышко плескалось в её чистых водах.

Только шелест волн да иногда сквозь эту блаженную тишину прорывались окрики рыба-рей и плотогонов.

– Живём ведь по-божески, – тихо, устало говорил Лев Гаврилович. Он ещё не совсем пришёл в себя – велико стало потрясение от радости. Но как соскучился воевода по разговорам с сыном! И не просто сыном, а умным, знающим и понимающим своего отца во всём. – Никого не забираем, не нападаем. А ведь сколько сил приходится тратить на подготовку к обороне, на саму оборону, потому что, только жди, явится некая вражина из ада пекла и возжелает у нас, славян, всё это отнять.

Он повёл рукой вокруг себя.

– Стало быть, добре мы живём, сыне, если кого-то всегда завидки берут. Стало быть, поля и леса наши, борти и грибные поляны, реки и затоны лучше, чем в зарубежье, слаще и богаче. Я иной раз мыслю так: Русь наша матушка создана Господом именно на муку эту вечную и возлюблена Им за это. Оборона всегда забирает жизни самых достойных. Враг придёт и уйдёт, оставляя нам только плач по убиенным. А мы сызнова строим из того, что хорошо горит.

– Александр Левонтьич тако же говаривал нам и не единожды, – вспомнил Евпатий.

– Олёша был лепший⁵ во всём. И не токмо воевода, но и наказатель⁶. Говаривал, чем доблестнее витязь, тем хуже для недруга, тем милей ему тишь да благодать и бьётся он с непрошеным гостем лишь для того, чтобы его вотчина, его родичи подольше пребывали в тиши и в благодати.

Евпатий с сожалением примечал, как постарел отец. А не виделись всего-то около трёх месяцев, и батюшке ещё нет и сорока пяти. Старят ратника битвы, старят и за сражённых им, и за погибших сотоварищей.

Лев Гаврилович встал из-за стола, поправил кожаный ремешок, опоясывающий просторную рубаху, налил в кубок клюквенного квасу, выпил и – другим, не отцовским, а воеводским голосом – потребовал: – Теперь не спеша, не перескакивая с одного на другое, подробно обо всём. Ясно как божий день, что Олёша не мог так запросто отослать тебя и Суздальца; стало быть, тому есть прочная основа. И не скажи, что воевода в то время, как грядет бой, просто решил сохранить вам жизни, там каждый ратник на счету.

– Мыслю, что основа тому – возрождение северной дружины витязей. Он так и сказал: «Теперь вам быть».

Лев Гаврилович заметно вздрогнул после этих слов.

Евпатий приметил.

– Слова эти тебе знакомы, батюшка? Что означают они?

– В своё время Илья Муромец тако же проводил Олёшу и Добрыню перед страшной – последней для Ильи – битвой с половцами.

Лев Гаврилович хлопнул ладошкой по столешнице, подошёл к сыну и заглянул ему в глаза.

– Сыне, не тужи, доля русского витязя – беречь родную землю от всякого недруга. И запомни, что мы не умираем, нас Господь к себе призывает.

---

⁵ Лепший – лучший.

⁶ Наказатель – наставник.

Впервые услышав тогда эти слова, Евпатий запомнил их на всю оставшуюся жизнь. Постепенно смеркалось.

Кто-то из чади принёс свечной подставок и зажёл три свечи от лучины.

– Каковы монголы? Только без сердца.

– Сильны они дружным лучным боем, да и поодиночке дивно метки. Вот в ближнем бою нам не ровня. Подчинение старшим для них святее молитвы. Их войско – единое тело, человек его полный повелитель... Много поведал нам князь Михаил Всеволодович в пути и о том, что перед битвой случилось и что потом случилось. По всему выходит, не желали монголы воевать с нами, а пришли взять половцев и наказать их примерно.

– Ну так это ж благое дело! – воскликнул воевода. – Я с ними вполне союзен.

– Узрев единение половцев с южнорусскими дружинами, снарядили посольство, мол, не на вас мы идём, русичи.

– И что?

– Послов тех побили до смерти!

– Как это так?! – не поверил Лев Гаврилович. – Русичи побили послов? Русичи? Дикари языческие так не поступают. Студ и зазор на веки вечные. Южнорусские лишились ума напрочь. Кто дал добро на избиение?

Ненадолго задумался и понял.

– Можешь не отвечать, я и сам знаю. Знаю, что губитель этот Мстислав Удатный.

– Он, батюшка.

– Что далее?

– Монголы прислали другое посольство, вновь со словами: мы не питаем к вам вражды, хоть вы и побили послов наших, давайте, мол, просто разойдёмся по разным сторонам, Степь велика. Но половцев нам отдайте и не воюйте за них, они – израдцы⁷ вечные.

– Золотые слова! В этих словах вечная истина. Как они быстро поняли всю змеиную суть этих степных бродяг и грабителей!

– Второе посольство тоже побить хотели, половцы об этом громче всех вопили, мол, это лазутчики монгольские, а никакие не послы. И побили бы, но вмешался смоленский князь Владимир Рюрикович.

– Неужли супротив братца своего встал?

– Ещё как встал, вынул меч и проговорил: кто супротив моего слова – выходи на поле...

– Каков молодец! Нашлась-таки голова, в которой ещё есть честь витязя русского. Сыне, ты скажи, отчего поражение пришло? Ведь русско-половецкое войско в три раза больше было.

– Три войска, батюшка, три князя, из которых каждый сам себе велик. И войска эти монголы растягивали по Степи почти десять дней, а потом разбили по отдельности.

– Хитры многократно, опытни и безжалостны, – подытожил Лев Гаврилович. – Хлебнём мы с ними...

– Батюшка, а Дементий пошто не идёт? Хотели вместе посидеть, поговорить.

– Он сказал, что нынче всю ночь станет молиться, дабы возблагодарить Господа нашего о даровании жизни и благополучия единокровному брату.

– Пускай молится, в этом его отрада...

Но Лев Гаврилович сейчас думал совсем не про старшего сына.

– Неизбывный зазор накликан на русское имя! Даже язычники-литовцы тако не творили. Будет нам ещё за то, ой, будет. Ай да Мстислав Мстиславич! Ай да губитель и шиш!

Евпатий с беспокойством поглядел на отца, который раньше никогда не позволял себе хулить князей.

---

⁷ Израдец – изменник.

– Как сыну говорю, – успокоил его Лев Гаврилович. – Скажу даже более того: южным князьям Русь – мачеха! Помяни моё слово, придёт время – и все они перекинутся, кто к ляхам, кто к уграм. Их родичи – половцы, то бишь израдцы, вот и сами они сделаются таковыми. А кровь Олёши Поповича, Добрыни, Тимони и других русских витязей падёт на них многократно.

– А на чём зиждется уверение такое? – внезапно спросил Евпатий.

– А на том, что я – воевода тайных дел рязанского князя! – расвирипел Лев Гаврилович. – Яйцо курице не верит... Моего слова ему недостаёт.

– Как сыну – вдосталь, как десятнику – маловато.

Лев Гаврилович оторопел. Лицо стало краснеть, багровый шрам от левого уха до подбородка стал багрово-чёрным.

– Ты... – начал было он, но осёкся и размяк, быстро вспомнив день вчерашний, наполненный подготовкой к поминкам сына, вчера не было никакой надежды на то, что он вживе. Из глаз хлынули слёзы.

– Батюшка, родной, прости! – взмолился Евпатий. – Прости за слово окаянное.

– Да я не о том, сыне, совсем не о том. Стар я стал. Вспомнилось...

Ему показалось, что только теперь узрел он, как они схожи с сыном: почти вровень ростом, Евпатий даже немного перерос отца, но в остальном – движения, повадки, голос – совпадало. Только один матёрый, как волк, трёпанный и битый, другой молодецки подвижен, лёгок, но уже с медной окалиной во взоре.

– Как ты возмужал, сыне, – с сожалением произнёс отец. – Ты стал стоящим витязем.

– Твоё доброе слово, батюшка, дороже всего на свете!

– То-то же... Теперь слушай. Прелагатаи⁸ рязанские мной и Вадимом Данилычем разосланы повсюду – и в порубежные княжества, и в дальнюю сторону. Я ведаю, где и что происходит, то мой долг перед отчиной. Так вот, более всего опаски вызывает поведение того же пресловутого Мстислава Удатного и его зятя Даниила Романовича, их постоянное шушуканье с уграми и ляхами. Сидят они на Галиче и Волыни, а то Русская земля! В своё время запустили они туда и попов-католиков, и костёлы их разрешили возводить. А в Киеве что творится? Погиб великий князь Мстислав Романыч – беда. Не стало воеводы Ивана Дмитрича – горе великое! Нет руки воеводской, отныне без рук Киев и заматня там. И вера наша православная в шаткости пребывает. Хорошо бы явился в Киев добрый князь православный и всю эту латинскую свору – головой вниз с городских стен.

Лев Гаврилович замолчал, чтобы отдышаться и остыть, излишние волнения сегодняшнего дня, пусть и радостные, изрядно подкосили старого воина. Но он спешил досказать сыну то, что, по его мнению, он должен знать. Рано или поздно, а Евпатию надлежит занять место воеводы тайных дел.

– Тысячу раз пожалеешь, что нет такого же великого князя, каким был Всеволод Юрьевич Большое Гнездо. Шумнёт из Владимира – и на всех рубежах наступает тишь да гладь. А уж ежели с войском куда выступит, так и вовсе... – Он горестно махнул рукой и добавил: – Крут бывал излишне, да и Рязани принёс множество бед, но воистину был он велик!

– Но Рязань сейчас иная, чем тогда была.

– Сыне, наша Рязань хороша, но малочисленна и одинока перед Степью. Случись беда... Не ведаю. Опять же Калка. Выступили русичи вкупе с половцами, сам по себе союз невероятный, из-за Мстислава вся эта трескотня с монголами, из-за него, окаянного. Не удивлюсь, ежели обнаружится, что он первым с поля боя и побежал.

– Так и есть, – ответил Евпатий, – первыми дрогнули и побежали половцы.

– Вот-вот, его родичи любезные.

---

⁸ Прелагатай – соглядатай, разведчик.

– Битву проиграли вчистую, сгубили тьму народа, но недруг-то ушёл.

– Нынче ушёл, завтра возвернётся. А с эдакими союзниками о подмоге можно забыть.

– Но они русичи.

– Русичи, – посмеялся Лев Гаврилович. – А ты вспомни, как одеты, при какой воинской справе. Думаешь, пошто опосля Липицкой битвы Мстиславовы приспешники – новгородцы да смоляне – ходили по полю и дорезали уязвленных, но ещё дышавших? Потому что суздальцы и владимирцы им чужаки. Ляхов дорезают? Угров дорезают? Нет, они им свои, их жалко, даже побитых.

Слова отца глубоко легли в сердце Евпатия, но в их полной правоте он ещё не был уверен.

– Выходит, у нашей Рязани и вовсе нет никаких союзников?

– Почему же, теперь наш верный союзник – это спасённый тобой князь Михаил Всеволодович, добром на добро ответит, я уверен, он – князь черниговский. А Рязань наша, стоит она, матушка, у самого Дикого поля, да и пускай себе стоит. Мы – исконная Русь. Союзник наш верный и единственный – это Владимир. Да и то – многие лета противостояний. Понимаешь, сыне, нам уже теперь надобно к лиху готовиться. Монголы возвернутся, помяни моё слово, они уже хлебнули кровушки нашей, провели крепость войска русичей. Но чем позже они возвернутся, тем для нас лучше. Нам потребны ратные союзы нынче же!

С этими словами он подошёл к Евпатию, погладил по голове и сказал:

– Отчине своей, сыне, отныне станем служить не токмо руками, но и головой. – Не повышая голоса, позвал: – Стёпка!

Бесшумно появился кудрявый Стёпка из чади.

Появился так быстро, что могло показаться, будто он всё время ждал неподалёку.

– Здесь всё убрать!

– Устроим, Лев Гаврилыч.

Евпатию сказал:

– Спозаранку в детинец. Государи Ингварь Игоревич и Юрий Игоревич хотят с тобой потолковать душевно. Наслышаны о твоих злоключениях... Не дай господи никому, особливо родителям, которые плачут по деткам родным.

Он истово, с душой и сердцем, перекрестился.

– И с Найдёном тож треба князьям толковать. Я его упредил.

Евпатий казался озадаченным.

– Батюшка, неужли до сих пор я служил отчине лишь руками? Неужли, бездумно размахивая мечом, я был отчине полезен?

– О том опосля, – улыбнулся Лев Гаврилович. – Ты же знаешь, что был полезен, ой как полезен. Засим ступай, Елена, поди, заждалась...

Мордва и болгары

В восточной части рязанской окраины, неподалёку от Исадских ворот, в сторону Волжской Булгарии отправлялись большие купеческие караваны, по несколько десятков повозок.

Поодиночке никто не рисковал ехать, леса кишели разбойными людьми, кроме того, путь в эту богатую и благополучную мусульманскую страну пролегал через земли мятежных эрзя, так называемую Пургасову волость, которые тоже особым гостеприимством не отличались, особенно по отношению к русичам.

Дело в том, что эрзя инязора (князя) Пургаса были верными союзниками болгар, которые периодически нападали на русские города и веси, зорили нещадно, людишек уводили в полон.

Русичи в ответ шли на болгар, а так как общей границы с Волжской Булгарией ни у одного из русских княжеств не существовало, их боевой путь неизменно был отмечен грабежами и жертвами среди Пургасовой мордвы.

Чтобы воссоздать какую-то часть сложившихся к тому времени отношений между русскими княжествами, мордовскими племенами и Волжской Булгарией, обратимся к рассказам болгарского писателя именем Абдулла Черемшан. Кто-то относит их авторство великому арабскому историку и писателю Ибрахиму аль-Насеру, но это далеко не так. Уважаемый Ибрахим хорошо знал историю монгольских вторжений в мусульманские страны, но о мордовских племенах имел самое отдалённое понятие, а в Булгарии бывал неоднократно. Однако не станем спорить по этому поводу, просто приведём часть повествования, относящегося к интересующему нас отрезку времени.

Абдулла Черемшан хорошо знал вышеупомянутую историю отношений, под видом купца часто бывал в Рязани и Владимире, других русских городах, подолгу жил в Нижнем Новгороде, имел друзей среди мордовских князьков. И вот что он писал (вольный перевод с арабского языка).

«...Когда-то сплочённые и сильные мордовские племена к двадцатым годам тринадцатого столетия были разделены на северных (эрзя) и южных (мокша), одно время существовала “Теньгушева волость”, но по размерам своим не тянула на самостоятельную и вскоре вошла в состав Пургасовой (северной).

Север граничил с землями Владимиро-Суздальского и Рязанского княжеств, которые всё время пытались расширять свои владения за счёт чернозёмных полей мордовских земель. Попытки эти, как правило, были успешны, мордовские земли таяли на глазах без особых усилий со стороны русских князей.

Но в самом начале XIII века среди части мордвы образовалось полувоенное объединение, во главе которого стал властный и своевольный князь (инязор) Пургас, который сразу обозначил подвластные ему земли и заключил военный союз с могущественной Великой Булгарией. Булгарские ханы всегда стояли на страже интересов своих союзников, а потому мордовские земли в бассейне рек Суры, Алатыря и среднего течения Мокши взяли под своё покровительство. Взамен этого инязор Пургас принимал непосредственное участие во всех походах болгар против русских княжеств и той части мордвы, которая с ними союзничала.

Южные мордовские земли, которыми управлял инязор Пуреш, отличались более высоким уровнем развития, чем лесные северные, но находились в крайне невыгодных условиях: по ним всё время прогуливались злые степняки из Нижнего Поволжья, тюркские кочевники отбирали у населения всё, что попадало под руку.

Это вынудило Пуреша прибегнуть к покровительству наиболее сильного государя в поволжском регионе – великого владимирского князя. Для русичей кочевники были исконными врагами, потому на союз пошли охотно, несмотря на то что владимирские рубежи не

соприкасались с землями мокша. Однако хитрый Пуреш получил гарантированную защиту и помощь против степняков, а взамен обязался обнажать оружие даже против соплеменников – эрзя. Свои обязательства он выполнял, так как другого выхода у него попросту не было.

Инязор Пуреш активно помогал Владимиру в борьбе с булгарами и Пургасовой мордвой. К примеру, в союзе с половцами он избил Пургасову мордву во второй половине двадцатых годов, а самого Пургаса едва не полонил.

Многое изменилось после основания Нижнего Новгорода: мордовские роды стали срочно объединяться под знамёнами вечно мятежного инязора Пургаса, их многочисленность и решимость отвоевать свои исконные земли, на которых возникло русское поселение, заставили муромо-рязанские и владимирские полки выступить воедино.

В 1226 году на “мордву болгарскую” двинулись братья великого князя владимирского Юрия Всеволодовича – Иван и Святослав, а также муромские дружины князя Юрия Давыдовича. Взяли много полона, пожгли и пограбили. Поход, казалось бы, был удачен, но, как покажет будущее, он же и вызвал целую цепь нежелательных последствий.

Эрзя ушли в леса зализывать раны и копить силы для борьбы с русичами. Пургас заключил договор с великим ханом Алмушем, согласно которому булгары предоставили военную помощь соседям. Объединённые силы срочно выступили к Нижнему Новгороду и осадили его, впрочем, безуспешно.

На выручку осаждённым поспешил великий князь владимирский Юрий Всеволодович лично. Ратники под руководством воеводы Еремея Глебовича ударили по булгарам и мордве с ходу и погнали прочь от града. В пылу преследования разорили и полностью уничтожили зимние мордовские жилища.

В благодарность за избавление града от неприятеля владимирский правитель заложил в Нижнем Новгороде храм Архистратига Михаила. Более того, он “повелел русским людям селиться по Оке, и Волге, и Кудьме, и на мордовских селищах кто где хочет», что являлось открытым вызовом и мордве, и Великой Булгарии, являясь прямым нарушением мирного договора с последними от 1223 года.

Далее великий князь владимирский решил просто побряцать оружием, абсолютно безо всякой причины послав против “булгарской мордвы” рать под руководством князя Василько Ростовского и владимирского воеводы Еремея Глебовича, но безуспешно. Погода не задалась, шли постоянные дожди, эрзя постоянно атаковали из тумана.

Но я думаю, что дело произошло иначе: причина для ответного удара была самой обычной, повторяю – “ответного удара” против грабительских набегов Пургаса на поселения русичей; их к тому времени – не отвеченных – накопилось несколько, и, если бы доблестный инязор периодически не сходил с ума от безнаказанности и не трогал церкви и монастыри, рядовые грабежи простых смердов сошли бы за обычные пограничные неурядицы.

Я знаю, что непогода не стала главной причиной, войска русичей вернули из-за усилившейся активности Тевтонского ордена на прибалтийских землях между Вислой и Неманом, которые населяли пруссы. Их безжалостно истребляли, а границы передвигали с поразительной быстротой.

Но опасения относительно тевтонцев оказались излишними, и уже зимой следующего 1229 года Юрий Всеволодович решил закончить начатое: привлёк силы мокшанского князя Пуреша, дружины брата Ярослава, муромского князя Юрия Давыдовича, Всеволода Константиновича и Василько Ростовского, сам возглавил поход и двинулся на Пургасову волость. Нападение было стремительным, инязор Пургас не успел даже оповестить своего главного союзника – великого хана Булгарии, войско разбили, взяли множество пленных.

Однако и тут не станем забывать, что со времени попытки владимирского похода 1228 года прошло всего несколько месяцев, русичи изрядно припугнули мордву и ушли, оставив сторожевые заставы. Почему же нападение союзников стало “стремительным, неожиданным”?

А что касательно “оповещения” союзников булгар, то они ради продления мирного договора с Владимиром ещё на шесть лет отказались от поддержки мятежных эрзя.

Словом, Пургас сам безобразничал, и за это пришлось ответить, ответить настолько серьёзно, что, кроме вылавливания по лесам одиноких заблудившихся русских ратников и жестокого глумления над ними, эрзя ничего не оставалось.

Случаи были настолько вопиющими, что о них шёпотом друг другу рассказывали сами возмущённые мордовцы. Дошло и до ушей владимирского государя.

Юрий Всеволодович был не злым, не жестоким и не коварным. Потому его приказ “в полон не брать никого” восприняли как жёсткую необходимость. Врага действительно не щадили.

Летом 1229 года, при содействии мокшей Пуреша, владимирцы довершили полный разгром Пургасовской волости.

В отместку Пургас, уже при поддержке половцев, пытается организовать полномасштабную осаду “оплота русской силы в мордовской земле”, но пришлось ограничиться разорением нижегородской округи... Да и ладно бы просто пограбил, дело привычное, но инязор эрзя вновь совершил непростительный грех: он сжёг монастырь Святой Богородицы, располагавшийся за стенами города, и разрушил церковь Спаса, стоявшую на пригорке.

После такого святотатства на него поднялись все: русские смерды, крещёные эрзя и мокши и даже половецкие разбойники. Пургас решил оставить стены города в покое (осада не задалась), отсидеться в лесах и подкопить сил... Но не в этот раз. По пути следования его настиг сводный отряд, состоявший из мокшей Атымаса (сына Пуреша), русских добровольцев и котяновских половцев. Эрзя так побили, что затихли они на целых три года.

Последнее восстание мордвы относится к 1232 году. Пургас собрал оставшиеся силы, привлёк половцев и готовился напасть на Нижний Новгород. Русская разведка сработала вовремя, владимирцы нанесли упреждающий удар силами сводного полка под руководством княжеского сына Всеволода Юрьевича, вместе с которым выступили князья рязанские и муромские. Мордва защищалась, не щадя себя, но силы были неравными, избиение, как говорят источники, было страшным...

Оставшись без поддержки булгар в разгромленных землях, инязор Пургас не сложил оружие и не сдался на милость победителя. Но и сражаться в открытую не оставалось сил, потому вновь укрылся в лесах и стал собирать оставшихся в живых».

Мы видим, насколько беспристрастны наблюдения и выводы Абдуллы Черемшана. Думается, в их правдивости сомневаться не приходится. И вот почему. В Великом городе поговаривали о тесной дружбе писателя с военным разведчиком Аблас-Хином, который после Бараньей битвы получил титул эмира.

И хотя последние сообщения о кровавых сражениях между противниками относятся к началу тридцатых годов, но и в год битвы при Калке отношение к русичам в этих краях назвать сердечным очень сложно.

И всё-таки смоленские, черниговские, рязанские гости неизменно стремились в Булгарию, ибо там, в стольном Биляре и не стольном Булгаре, пересекались все основные торговые пути того времени: Византия и Кавказ, Индия и Китай, Средняя Азия и Персия, Западная Европа и Скандинавия.

Проще говоря, на булгарских рынках было всё!

Тоска о неволе

Мустафу провожал Трофим.

– Друже, брате, – говорил он горячо, – да останься ты у меня хоть на седмицу, а?

Тут же спохватился:

– Ну, не на седмицу, так хоть на пару деньков? Отдохнёшь маленько, в себя придёшь толково, чтоб перед родичами своими предстать по-человечьи.

– Нет, хочу, чтобы меня видели таким, каким меня сотворила неволя, – отвечал Мустафа. – Не стану лукавить... К чему это?

Он робко похлопал Трофима по плечу.

– Да, христианин, ты действительно стал мне братом и даже больше брата! Радуюсь, что ты в таких новых одеждах, что сам князь рязанский обещал тебе трудную службу. Радуюсь многократно!.. Но я уже почти дома. Пять лет, дорогой Трофим, пять долгих лет! – повторил проникновенно. – Боюсь, что меня похоронили и оплакали, а моя верная Айгуль стала вечной вдовой. Прости, мой друг, мой брат, мы ещё увидимся.

Он поклонился Трофиму, прижав руку к сердцу.

– Да чего уж там, – расстроено пробормотал рязанец. – Айда найдём главного.

Им указали на середину каравана, на крытый расписной возок.

В нём дремал широкий болгарин с толстым лицом и двойным подбородком.

Друзья отметили, что, даже дремля, он оставался важным.

– Господин, – обратился к нему Мустафа.

Болгарин быстро открыл глаза.

– Уважаемый, меня зовут Мустафа, я ваш земляк. Пять лет был в половецком плену, теперь хочу вернуться на родину, в наш Великий город.

Теперь Трофим не понимал почти ничего, ибо язык общения невольников и болгарский существенно различались.

– Ты кто? – спросил купец. – Кто был до пленения в Великом городе?

– Я – гончар, господин! – с жаром отвечал Мустафа. – У меня был свой горн в Гончарном квартале, во Внешнем городе, у самой Билярки.

– Во Внешнем городе – это хорошо. А кто теперь владеет твоим горном?

– Я надеюсь, что с моим горном всё в порядке. Вместо себя я оставил родного брата жены – Рустама.

– Мастера Рустама знают все в Великом городе Биляре! В том числе и я. Он – уважаемый человек.

– Господин, – обрадовался Мустафа, – а про его сестру Айгуль ты ничего не знаешь?

– Нет, ничего, – подумав, ответил купец. – Совсем ничего.

Потом посмотрел в начало каравана и зычно дал команду на отправление.

– Садись, гончар, рядом. Дорога будет длинной, длинной и тоскливой. Хочу услышать твои рассказы о неволе, о половецких нравах и обычаях, я – любознательный. Ты там был, познал их, теперь едешь домой. Аллах велел помогать ближнему.

– Прощай, брат! – крикнул Мустафа. – Свидимся ли?

– Уверен, что свидимся, брат! Прощевай...

Трофим помахал рукой и скрылся в толпе провожающих и любознательных.

– На каком языке ты говорил с урусом?

– Мы вместе были в неволе. Он – дружинник рязанского князя. А язык...

И Мустафа стал объяснять, что колодникам из разных стран надо было как-то общаться...

Купец удивлялся, много расспрашивал, на что-то громко возмущался и даже сжимал кулаки, где-то смеялся.

Потом стал сам рассказывать, оказался словоохотлив.

Мустафа с удовольствием слушал. Он вновь и вновь погружался в переливы родного языка, наслаждался его звучанием и поражался, до чего же он, простой гончар, любит язык своей родины.

Тихо поскрипывали колёса телег, шуршали ветви деревьев, лениво перекликались возницы.

Иногда подбегали слуги, стражники, спрашивая то совета, то разрешения.

Купец со всеми общался ровно и благожелательно, ни на кого не ругался, не шумел.

«Хороший господин, – подумал Мустафа, – все его любят».

Он никак не мог отделаться от мысли, что купец этот кого-то ему напоминает очень сильно, и не только лицом, жестами, но и голосом.

– Каждая моя поездка – как боевой поход, – гордо говорил купец. – Я вкладываю все свои средства... Ну, почти все, вплоть до последнего фальса⁹, и везу товар урусам, ляхам или немцам. Там весь его продаю и покупаю то, чего у нас нет...

Он задумчиво почесал затылок и продолжил:

– У нас есть почти всё, но кое-чего всё-таки нету либо есть, но мало. Покупаю и везу домой... И что мне остаётся делать, если на меня нападает всякая степная бишара¹⁰, чтобы отнять нажитое и заставить мою огромную семью просить подаяние ради милости всемилостливого и милосердного Аллаха у Исмаилдана? Конечно, я сражаюсь, как лев. Мой меч всегда при мне.

Он бережно погладил обшитые сафьяном ножны.

– Хвала Аллаху и нашему повелителю – великому хану Чельбиру, дороги безопасны. С урусами заключён шестилетний договор, хотя я сильно сомневаюсь, что они станут его блюсти; дикие половецкие разбойники разбиты и рассеяны по бесконечной Степи; мордва пургасовская, по землям которой мы будем ехать вскоре, наши верные союзники.

Он придвинулся ближе к Мустафе и доверительно прошептал на ухо:

– Правда, союзники эти легко могут побить и отобрать нажитое, но, как друзья, не всё... И винить их трудно – лесные бродяги, дикари, не познавшие света истинной веры.

Мустафа всё ещё пытался вспомнить, кого ему напоминает словоохотливый купец, но не мог. Потому решил спросить:

– Уважаемый, а как ваше имя?

– Меня зовут Ахмет, – услышал гордый ответ.

Точно жаром полыхнуло в лицо: действительно, Ахмет. Вот на кого похож этот отчаянный человек с благородным и добрым сердцем. Добрым, да... А кто бы ещё отважился взять в попутчики бывшего колодника и усадить его рядом с собой?

«Бывшего?» – подумалось вдруг. Кто его знает? Кажется, привычка к неволе успела укорениться в нём прочно и никак не отпускала. А когда она отпустит? Наверное, для этого надо, чтобы семья была с тобой, или много сложных и опасных дел.

Мустафа вспомнил, что после первых дней пешего пути по Дикому полю с Трофимом он всё ещё ощущал себя колодником, которого погнали на работу далеко за пределы айлага¹¹.

День за днём чувство это притуплялось, сменяясь какой-то острой, щемящей тоской, природу которой Мустафа не понимал.

Поделится с Трофимом.

---

⁹ Фальс – болгарская медная монета, серебряная – диръем.

¹⁰ Бишара – беднота, голь перекатная.

¹¹ Айлаг – летняя стоянка кочевников.

Рязанец с грустью признался, что чувствует то же самое. И даже пошутил, что ему не хватает колодок.

Горькая шутка!

Ощущение свободы вливалось в него понемножку, приходило крохотными шажками; его нельзя было торопить, дабы не загубить совсем, оставалось выжидать и надеяться.

Первое время неволи он беспрестанно думал о жене. Молодому, крепкому организму не хватало женской заботы и ласки.

Потом стал думать о жене и детях.

Потом только о детях.

Ему рвали сердце плач и вскрики половецких детей, он сразу вспоминал своих и горько сожалел, что чего-то им недосказал, не предупредил, был излишне строг и привередлив...

Но вскоре и эти думы отошли, потому что всё острее понимал: спасения нет, неволя – это навсегда, из неё не вырваться.

А каждодневный тяжкий труд, издевательства и побои иссушают любые чувства, убивают человека в человеке, делая его бездушной тягловой скотиной.

Однако город свой в беспокойных снах видывал часто.

А Исмаилдан, возведённый благословенным повелителем древних болгар Алмушем Джафаром, – чаще других.

Биляр представал в его памяти на склоне дня, всегда почему-то перед закатом. Мустафа, усталый, но радостный, идёт от своего горна домой.

Открывает ворота, а ему навстречу бегут два сына – Рахим и Керим; младшенький Селим семенит чуть поодаль, он только начал ходить, хнычет, потому что не желает отставать от старших, хнычет и протягивает руки к отцу.

Мустафа вздрогнул и очнулся, понимая, что плачет.

«Вспомнил, – думал лихорадочно, – вспомнил имена своих детей, хвала Аллаху! Вспомнил? Или никогда не забывал?»

Он с новым для себя радостным чувством думал о том, что теперь многое успеет дать своим детям: предупредить, досказать, не быть излишне строгим.

Они отомстят

Всего один раз купеческий караван остановила мордовская застава инязора (князя) Пургаса.

Десяток крепких, суровых воинов в белых полотняных одеждах, поверх которых русские кольчуги, простоволосые, с устрашающими дубинами в руках и большими луками за плечами.

Старший подошёл к Ахмету, коротко проговорил что-то, после чего Ахмет хлопнул в ладоши. Видимо, такое уже бывало.

Прибежал служка.

Получив распоряжение, умчался, вернулся уже с помощниками, которые несли огромный мешок с едой и средних размеров дубовый бочонок.

– Рязанская брага, – посмеиваясь, сказал Ахмет Мустафе, – эрзя её любят так, как самих рязанцев никогда не любили и не полюбят.

По мере приближения к родному городу в Мустафе начал просыпаться истинный болгарин: с одной стороны – спесивый и непреклонный, серьёзно полагающий, что лучше его страны нет на свете, с другой – по-настоящему любящий эту самую страну, понимающий, что в ней есть не только хорошее, но и неприглядное. Например, налоги с ремесленного люда или подслушники, которые шастают по базарам, подслушивают, не забывая что-то прикарманить с лотков, а главное, имеют право вызвать стражу и арестовать неосторожного на язык человека, сболтнувшего лишнего, и запереть его в зиндан на долгое время.

Но первое только мелькнуло птицей и ушло, второе требовало ответов.

Захотелось узнать, что произошло с его Великой Бугарией за прошедшие пять лет.

– С урусами недавно крепко воевали, – рассказывал Ахмет. – Наши доблестные воины Аллаха так рассвирепели, что взяли два ихних города – Муром и Устюг. Да. Продержались в них почти три месяца. Вот тебе и грозные урусы.

– А потом что?

– Потом брат владимирского князя пришёл с огромным войском, наших выгнал, взял наш великолепный Ашлы (Ошель). Что они там только не творили! Вай-вай...

Ахмет закрыл лицо руками и покачал головой, горестно чмокая при этом.

– Пограбили, побили и ушли. Взяли столько добычи, что унести невозможно.

– Ну так всё-таки унесли?

– Унесли. Но потом пришёл черёд этих самых наших гнилых союзников эрзя. Они подстерегали урусов по лесам, били нещадно и добычу забирали обратно.

– Неужели возвращали нашим добрым булгарам?

– Нет, конечно. Нам, честным булгарам, истинным мусульманам, ничего не вернулось, зато многие урусы лишились добычи.

– Сейчас войны с Владимиром у нас нет?

– Сейчас у нас мир, но если правоверный хан Чельбир наберёт достаточно сил, то о мире можно будет благополучно забыть.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что надо своё забирать назад! – выпалил Ахмет. – Два года назад эти дети Иблиса на наших исконных землях основали Новый город. Новый! Представляешь? На наших землях, разрази их гром!

– Построить город – не выпить ковш браги, много времени надо. Почему их с наших исконных земель не прогнали наши доблестные казанчии?

– Наши казанчии особенно доблестны именно тогда, когда надо выпить ковш браги, – небрежно ответил Ахмет, но тут же спохватился. – Вот я и говорю: выпьют они браги и,

вдохновлённые нетленным словом хана Чельбира, погонят урусов до самого Владимира или Рязани... Не знаю. Но погонят.

Сердце Мустафы заныло. Он попытался представить, что они с Трофимом смертельные враги. Попытался, но не смог.

– Уважаемый Ахмет, – спросил купца, – а за что ты так сильно не любишь урусов?

– Заметно, да? – поёжился Ахмет. – Лишь бы урусы не узнали, пока я в русских пределах.

– Немножко заметно, – ответил Мустафа. – Скажи, ты с ними торгуешь, наверное, возишь им наши знаменитые сафьяновые сапоги, украшения, специи, приправы, они честно торгуют?

– В торгах никогда не обманывают.

– Вот видишь...

– Что «видишь»? Не надо на земли наши зариться. А торговать с ними даже интересно. Купец-русич иногда сам себя обманет, а другого – никогда. Я им много чего вожу, даже оружие иногда.

– Оружие? Урусы покупают наши мечи и щиты?

– Мечи и щиты у них лучше наших. А у нас они иногда берут копья, луки и стрелы. – Понимая, что лишнего разоткровенничался, Ахмет сделал поправку: – Но больше никакого оружия я им не вожу, чтобы оно не повернулось против нас самих.

В голове каравана слышались радостные крики.

– Господин, стены Суvara впереди, – сообщил подоспевший слуга.

– Распорядись, чтобы дозорным послали пару бурдюков фряжского вина.

– Они пьют во время несения службы? – ужаснулся Мустафа.

– Если бы ты знал, как упали нравы.

От каравана в сторону равномерно белеющих стен поскакал посыльный Ахмета.

– Надо, чтобы все знали и уважали, – сказал купец многозначительно. – Скупых никто не любит.

Мустафа подумал о том, что правду говорят о купцах, которыми целиком завладела выгода, и, наверное, горькая правда заключается в том, что у них нет родины как таковой: где выгодно, там и родная земля.

Ему расхотелось дальше беседовать с Ахметом, который сидел развалиясь и обмахиваясь широким веером.

Заметно, что купец доволен сам собой.

«Как говорил Трофим? Едет княжич по лесу, сам себе нравится, – горько усмехнулся Мустафа. – Всё-таки русичи – мудрые люди, хотя и лишены света истинной веры».

– Так о чём мы беседовали, уважаемый гончар Мустафа?

«Нет, кое-что я ему должен сказать!»

– О том, что ты возил товары урусам, везёшь товары от них и наверняка в этих возах не только бусы и свистульки, а и ещё что-то, что можно выгодно, с большой лихвой¹², продать в Биляре?

– Совершенно верно, гончар Мустафа.

– Значит, среди них тоже есть большие мастера?

– Лучшие мастера, равно как и лучшие условия для честной торговли, есть только у нас в Великой Булгарии, – строго и назидательно сказал Ахмет. – Но происходят маленькие случаи, совсем маленькие, когда урусы делают то, чего не делается у нас. И уж совсем редкие, когда они умеют делать что-то немного лучше наших достойнейших мастеров.

– Что же это такое?

---

¹² Лихва – проценты.

– Ювелирные мастера у них прекрасны, без преувеличений, – скривился купец, как от зубной боли. – Бармы¹³ у них ох как хороши! Шейные цепи, наплечные украшения, медные полоски для нагосников...

– Но это всё для женщин, – перебил его Мустафа, – и это малозначительно. Я даже сомневаюсь, что наши женщины станут это носить.

– Уверяю тебя, носят, но это совсем не простые женщины.

– Хорошо, понимаю. А что ещё?

– Замки и ключи они делают намного лучше. – Ахмет запнулся, покраснел, но тут же поправился: – Немного лучше наших, здесь я вынужден признать... Знаешь, некоторые замки-завдвижки для дверей состоят из полусотни деталей и каждая изготавливается отдельно. Каждая, понимаешь?

Ахмет помолчал, вспомнив, с какой выгодой в прошлую осень сбыв сотню таких замков в Билире и Булгаре.

– Про их кольчуги, мечи, булавы и говорить нечего – надёжны, как молитва Аллаха.

– Ну вот, а ты говоришь, что они от рождения косорукие, – съязвил Мустафа.

– Я такого не говорил! – огрызнулся Ахмет. – Я к ним хорошо отношусь, вот... У меня много друзей среди купцов рязанских. Владимирцев я не переносу – это точно, и тому есть причины. Когда наши войска брали ихний Устюг, при штурме погиб мой родной брат Абдулла, храни Аллах его душу.

Мусульмане помолились, держа перед собой раскрытые ладони.

Закончив молитву, Мустафа произнёс, задумчиво глядя на лесные дебри, через которые проходил караван:

– Твой брат приходил брать чужое, дорогой Ахмет.

– Мой брат никогда не брал чужого, – тихо ответил купец. – Это хан заставил его идти на чужой город. Но хан вправе распоряжаться нашими жизнями.

– Наши жизни принадлежат только Всевышнему и никому больше.

Ахмет подозрительно посмотрел на попутчика и, словно прозрев, воскликнул:

– А ты ведь за урусов, Мустафа!

– Ах, Ахмет, дорогой купец! Я не только за урусов, я ещё и за хорезмийцев, персов, угров и за всех других, кто вместе со мной носил колодки раба! Булгария – моя прекрасная мать, но из плена я вынес одно убеждение: война – это грех, а ненавидеть человека только за то, что он не имел счастья родиться булгаром, а кем-то другим, – двойной грех. Все мы – люди, все достойны хорошей жизни, а война – жизнь плохая, потому что может быстро и внезапно оборваться, не дав позаботиться о своих родных.

Купец только пожал плечами, но не сдался.

– А вот наши курсыбай и казанчии – самые лучшие. Когда пришли монголы...

– Здесь были монголы?!

Мустафу напугали эти слова.

– Они хотели здесь быть. Но наш великий хан Габдулла Чельбир не пустил их огромное войско в Великую Булгарию. Встретил их у Самарской Луки и побил как псов.

– В самом деле сильно побил?

– Ещё как! Униженной собакой валялся главный монгол у трона нашего повелителя, чтобы спасти своего сына и жалкие остатки своей армии. И только истинное человеколюбие великого хана спасло паршивые шкуры язычников.

– Он отпустил монголов?!

Мустафа спрыгнул с возка и некоторое время шёл рядом, что-то возмущённо бормоча и размахивая руками.

---

¹³ Бармы – бляхи нагрудного убора.

– Отпустили живыми... Безмозглые бараны... Они ведь вернутся с удвоенной силой, – доносились до купца обрывки фраз.

– Это кто безмозглый баран? – возмутился купец. – Это наш великий из великих?

– Поверь моему слову, уважаемый Ахмет, они обязательно вернутся, чтобы отомстить.

– Ты их видел, – догадался купец.

– Не только видел, но и говорил. И мы с моим братом-урусом обязаны им свободой.

– И всё равно ты их ненавидишь? И боишься?

– Они вернутся, – устало повторил Мустафа. – Это не люди, а порождение Иблиса.

– Вернутся – встретим.

Купец сказал это с таким убеждением и гордостью, что Мустафа на какое-то время поверил ему. В самом деле, Булгария – великая страна, большая страна, с регулярной армией, многовековой культурой, ремёслами, с людьми, которые верят своему хану.

Но порыв веры быстро прошёл.

Мустафа вспомнил лицо десятника-сотника, который отпускал их на волю, вспомнил разгромленные половецкие айлаги, через которые они шли и в которых уже даже собаки не были...

– Сейчас же встретили, и очень достойно, – уверенно говорил Ахмет. – Дикое поле – это большая страна, степь и степь, даже больше Великой Булгарии. Все вместе княжества урусов примерно по площади могут с нами равняться. Армия у них была огромная, а монголы побили её легко. А мы побили монголов. Урусы и кипчаки нам не друзья... Получается, что мы отомстили за поражение наших недругов?

Он почти возмущался.

– Не забывай, Ахмет, что монголы были ослаблены и уменьшены числом после битвы с урусами и кипчаками, – охладил Мустафа жаркие излияния купца. – Враг был слаб, и надо было бить его до конца, до полного истребления. А он ушёл зализывать раны. Залижет – вернётся.

– Вернётся – встретим, – повторил Ахмет, но менее уверенно. – Чего нам бояться? Великий хан издал фирман, согласно которому с нас будут взимать ещё один налог на борьбу с врагом.

– У нас уже идёт какая-то война?

– Великий хан принял решение – подготовиться заранее к возможным военным действиям против коварного врага, – шёпотом, как военную тайну, произнёс Ахмет. – На востоке и юго-востоке будем возводить засечные черты.

– Значит, всё-таки нашлись умные головы, которые учли возможность возвращения этих язычников?

– Вот именно. Кроме засечек станем строить огромные земляные валы с дубовой основой. И заметь, всё это с тех сторон, откуда могут явиться эти коварные язычники.

И уже погромче добавил:

– Великий хан заботится о нас. Великая Булгария может спать спокойно.

– Скажи, купец, – не утерпел Мустафа, – почему ты всё время повторяешь «великая»? Всё у нас великое – и города, и правители. Не много ли великого на одну страну? Если бы хан вовремя позаботился о булгарах, то приказал бы истребить всю эту нечисть ещё тогда, во время битвы...

– Мы – свет ислама в этих диких краях, населённых язычниками, – возразил Ахмет. – А ты рассуждаешь как урус. Но тебе простительно, от родины отвык. Но дома, – он показал рукой на восток, – поостерегись, ханские соглядатаи везде и всюду. Мигнуть не успеешь, как из кипчакского зиндана в свой угодишь.

– Да, ты прав. Благодарю за предупреждение.

Он и сам иногда ловил себя на мысли, что рассуждает как его рязанский побратим.

Вечерело. Устало и сонно поскрипывали колёса телег.

Караван растянулся на добрый фарсах: если его голова уже выехала на равнину, то хвост ещё болтался в густых лесах.

Впереди, багрово отражаясь огромными куполами мечетей, возвышаясь над кронами деревьев белейшими городскими стенами, всё чётче вырисовывались очертания Биляра – Великого города, столицы Великой Булгарии.

Приведём его поверхностное описание, составленное ростовским летописцем Макарием со слов русских гостей (купцов), неоднократно посещавших Биляр.

«Первое упоминание Биляра в летописях (Лаврентьевская) относится к 1164 году.

Стольным градом булгарским стал в XII веке.

Расположен на ровном плато, понижающемся в направлении реки Малый Черемшан. Два её левых притока – Билярка и Елшанка – пересекали город.

Город Биляр имеет почти квадратную форму, углами выходящую по сторонам света, состоит из четырёх вписанных друг в друга частей: цитадели, внутреннего города, внешнего города, посада.

Цитадель расположена в центре внутреннего города, огорожена деревянной стеной толщиной до десяти метров и площадью до двухсот тысяч квадратных метров.

В пределах цитадели находится комплекс мечети Исмаилдан. Его общая внутренняя площадь составляла не менее двух тысяч квадратных метров, что говорит о нём как об одном из крупнейших зданий в нашем видимом мире.

В северной части цитадели расположена баня, баня огромная и отапливается она не печкой, а имеет целую систему подпольного отопления.

Здесь же была расположена алхимическая мастерская, здание скорее богопротивное, но в чём-то и выдающееся, потому как проводятся там опыты по извлечению из простых металлов – золота.

Внутренний город имеет также почти квадратную форму. Укрепления его – это две линии валов с дополнительными деревянными сооружениями сверху. Протяжённость основной линии валов составляет четыре тысячи восемьсот метров. Дополнительная линия валов, недостроенная на некоторых участках, имеет протяжённость пять тысяч четыреста метров.

При строительстве укреплений использованы в качестве рвов русла рек: Билярки – с юго-западной стороны, Елшанки – с северо-восточной стороны.

Внешний город окружён тремя линиями валов и рвов.

Здесь же есть и поражающий воображение гончарный квартал.

С запада ограничен рекой Биляркой, с севера – внутренним валом городища, с востока – старой дорогой, с юга разделен на две части небольшим оврагом.

Квартал располагается с учётом розы ветров, рядом с месторождениями необходимого сырья (гончарные глины, песок). Имеются разнообразные конструкции горнов. Для их строительства используется специальный набор кирпичей, мастерские располагаются отдельно от жилищ. Словом, всё говорит о высоком уровне гончарного дела у булгар».

Караван-сарай Биляра был расположен за пределами внутреннего города, за южным его углом, недалеко от восточных ворот.

Мустафа спрыгнул с возка и огляделся. Увидев крепкое кирпичное здание, чистый двор, вымощенный кирпичом, услышав разноязыкий говор, ощутив суету и толкотню, присущую подобным местам, он понял: дома.

Тепло попрощался с купцом Ахметом и пошёл по улицам.

И глазам Мустафы предстал чужой город.

Нет-нет, когда-то он его знал и даже любил – воспоминания путаной чередой проносились в голове всякий раз, когда возникало новое здание: грозная громада комплекса мечетей Исмаилдан, каменные дома знатных беков или халупа простого ремесленника.

Вспомнил себя прежнего – начинающего гончара. И понял, что зрение того молодого глупца сильно отличается от смутного взора взрослого мужа, познавшего всю тяжесть доли колодника.

И тогда – постепенно, исподволь, далеко за памятью стали всплывать картины его прежней жизни в Биляре.

...Вот и знакомая ограда, глухая калитка в ней.

Попробовал – открыто.

Отворил.

Зашёл.

Широкий двор освещён несколькими факелами. Люди с подносами сновали по двору.

«У них тут праздник? – шевельнулось смутное подозрение. – Чей праздник и для кого?»

И вдруг увидел, что навстречу ему выходят три рослых мальчика: Рахим, Керим, Селим. Он их сразу узнал – это его сыновья. А чуть позади них идёт красивая женщина – его жена Айгуль.

– Аке! – вскрикнули все трое и, не доходя трёх шагов, стали на колени.

– Дети мои! – вскричал Мустафа и едва не пал без чувств, но его вовремя подхватил Рустам – брат жены.

– Купец Ахмет предупредил, что ты едешь, – сказал он, плача от радости.

Плакали все.

Радовались тоже все.

Именно о такой встрече мечтал бывший колодник Мустафа долгих пять лет.

Долгожданная встреча

В хорошем месте находилась изба Трофима: с одной стороны речка Серебрянка, с другой – многоводная Ока.

Берега Серебрянки поросли раkitным кустом, крутобережная Ока вся в ивняке, перемежающемся шиповником да малиной.

Раздолье, да и только! Знали наши прашуры, где поселение ставить.

А воздух каков!

Хорошо дышится дома.

Чуть выше и правее, если глядеть от Серебрянки, несколько яруг¹⁴, а за ними – Засеребрянье – сплошь терема резные да хозяйские дворы, а выше по Оке располагалось ещё до двух десятков изб, примерно таких же, как у Трофима.

Часть их заброшена, в некоторых копошилась жизнь: визжали ребятишки, тянуло дымком.

Соседей Трофим не стал проводить, да и где они, соседи? Знакомых лиц и то не встречалось, а ещё говорят, что Рязань небольшой город.

Немного дней миновало от возвращения из Дикого поля, ещё меньше со дня встречи с князем Юрием Игоревичем, а бездействие начинало серьёзно томить бывшего половецкого невольника.

Он часто вспоминал княжеские слова: «Взял бы я тебя к себе в дружину, но у Льва Гаврилыча насчёт тебя – свои соображения».

«Долго соображает воевода, – думал Трофим, – сильно долго... Да и кто он есть, если рязанский князь рассказывает, что у него на твой счёт свои соображения? Кто он таков?»

Днями он крутился во дворе, чинил погреб – укреплял стойки, латал одрину¹⁵, копался в огороде, но дела хозяйственные были ему неинтересны, вся его рязанская сущность хотела одного: быть полезным отчине. Как и где – неважно, князь и воевода решат.

Но дни тянулись, благой порыв угасал.

Основательно всколыхнуло и подняло дух известие, что вернулся Евпатий Коловрат. Вся Рязань у колодцев, на купищах¹⁶, в каждой избе оживлённо обсуждала сию новину, всяк на свой лад приукрашивая.

Пусть приукрашивают, главное, что Евпатий вживе.

Трофим свято верил в то, что его судьбина тесно связана с Коловратом-младшим, надеялся, что Евпатий его помнит и поможет с полезной службой.

...Ночь душна.

Трофим ворочался, не в силах заснуть.

Сомкнув веки, пытался думать о дне завтрашнем, что принесёт. Но вытесняли мысли о другом. О том, что одному тоскливо, что этой избе нужна хозяйка. А ежели б и детки бегали, топоча ножонками?

Этой мысли испугался. А ну как его детки сиротами останутся либо сами в полон угодят?

«Стыдись, Трофимушка, – говорил сам себе голосом бабушки. – Когда б все русичи тако мыслили, давно б извели всех нас недруги. Русский род должен быть! Ненастье ли, вражда его коснётся, а он всякий раз вздыбит голову, расправит плечи и далее идёт – рубить новую избу. И рубит, и детишек в ней растит».

Так сладко думал Трофим, засыпая.

---

¹⁴ Яруга – проходимый овраг.

¹⁵ Одрина – хлев.

¹⁶ Купище – рынок.

И уже совсем было заснул...

Тоскливый, надрывный собачий визг разбудил его.

– Забижают собачку малую, – с досадой произнёс Трофим, вставая с лавки.

Накинул полукафтан и вышел во двор.

– Эй, кто там! – крикнул, подходя к ограде соседней избы. – Пошто псинку бьёте?

Визг собачонки повторился.

– Я для кого кличу?

На его голос вышли два отрока, сильно похожих друг на друга.

Полная луна хорошо освещала, и Трофим разглядел неслухов: худые, выше среднего роста, в одинаковых длинных рубахах, русоволосые.

– Вы что творите, возгри¹⁷?

– Мы не творим, – угрюмо ответил один, видимо, старший.

– Кто такие, откуда взялись? В сей избушке сто лет никто не жил.

– Мы – переяславские.

– Южного Переяславля или нашего, Залесского?

– Княжества Переяславского, бежали от монголов, здесь их нету.

– Ладно, бежали от монголов, понимаю, страшно. Собачку пошто забижаете?

– Кусается сильно, – ответил второй, более весёлым голосом. – На вервь пытаемся посадить, не хочет, обороняется.

– Тебя самого привязать – тоже визжать и бороться станешь. Али примиришься?

На разговор вышла женщина средних лет в длинном сарафане, простоволосая: чёрно-серебряные под светом луны, волосы ниспадали почти до земли.

– Гордей, Власий! – позвала вполголоса.

– Матушка, мы здесь! – дружно ответили братья.

– С кем вы там?

– Дядько соседский.

Подошла ближе, Трофим узрел гриву волос, которая тут же заполонила всё его воображение, волосы были волнисты, тщательно ухожены, от них пахло сиренью и жимолостью. По женщине сразу было заметно, что – пришлая, рязанка никогда не позволит себе выйти во двор простоволосой.

– Ой, да ты, должно быть, наш соседушка, – заговорила на подходе. – А мои хлопцы куда пропали, я искать, в избе нету, а они здесь...

Увидев, что Трофим хорошо одет, заулыбалась ласково.

– Вот молодцы, что тебя зустріли, а то живём и не знаем, кто рядышком. А тут дядько пригожий такой...

– Я уже спал, но хлопцы занимались тем, что катовали собачонку, а она визжит громко.

– Приблуда якась, а они до хаты её взяли.

Вблизи Трофим увидел длинный, крючковатый нос женщины, глаза цепкие, холодные и некрасиво кривящуюся нижнюю тонкую губу, когда говорила.

Обозлился.

– Добрые люди давно почивают, а не по чужим дворам ходят.

– Хлопцы, геть в хату!

Они ушли, хлюпая носами от обиды.

– Я – Антонина, – сказала женщина примирительно. – Ты на них не шибко серчай, без батька растут. Его звали воевода Бакай, он погиб на Калке, а мы пришли в эти края, а то там шибко страшно житие.

---

¹⁷ Возгри – здесь: сопляки.

Трофим слышал, что в Рязань, Владимир, Ярославль, Ростов, Суздаль хлынул поток переселенцев из южных княжеств.

– Ну, тогда и обживайтесь, – ответил он.

– Хату нам разрешил воевода рязанский, не помню, как его кличут, занимать, всем ска- зал, берите, что пустует, дабы не пустовало.

– Добро. Меня Трофим зовут. А воевода рязанский именем Данила Данилыч.

– Ты его знаешь? Сразу видно, что не простой дружинник ты, Трофим.

– Я пока и сам не знаю, кто я... Недавно из половецкого полона возвратился, три года в неволе.

– Боже мой, три года!

– Да, три потерянных года. Матушка померла, пока я на степняков хрип гнул.

– Ништо, Трофим, ещё не в годах и всё у тебя впереди. А хлопцы мои хорошие, вот на имена свои не откликаются, старший Гордей любит имя Гоздор, а Власий – Пустовин.

– Ин ладно, у каждого своё прозвище, какое по нраву.

– Собаку, если хочешь, заведи себе, авось пригодится, мне с ней морока.

Трофим обрадовался, всё-таки живая душа в избе появится.

– Спаси Боже за это!

Антонина принесла щенка.

Опытным глазом Трофим определил, что это выжлец¹⁸, и обрадовался того больше.

– Ах ты, красавец! – взял на руки щенка, а тот доверчиво прижался к новому хозяину, почувствовав доброту. – Ежели нужда какая приспее, завсегда обращайся, – сказал Антонине от чистого сердца.

– Может, и обращусь, – отвечала она.

Щенку в руках Трофима нравилось, он стал ластиться и понемножку поскуливать.

– Да ты голоден, выюнок... Ничего, покормим.

В глиняную миску налил молока, крошил хлеба.

Поев, щенок устроился у порога на старом холсте и мгновенно уснул.

– Вот те и сторожевая застава, – улыбнулся Трофим. – Устал пёсик. Ништо, опочинь, джаным¹⁹, – ласково сказал вслух и зажал себе рот.

Не в первый раз ловил себя на том, что при размышлении вслух либо разговоре (хорошо, что говорить приходилось не так уж много) с языка слетают половецкие и монгольские слова, а также слова того языка, на котором говорили в неволе.

«Надобно обывать баить токмо по-русски», – убеждал себя, но не всегда получалось.

Трофим пока ещё не знал, что его грядущая служба у рязанского князя будет связана со знанием степняцких языков.

– Баженка! – позвал спозаранку соседского мальчика. – Вот тебе собачка-выжлец, будешь за ней ходить. Хочешь?

– А как же! Я с собачками умею разговаривать. Как его кликать?

Трофим поскрёб в затылке, про имя собачки совсем запамятовал.

– Зови его Албыч. Годится?

– Добро, мне по нраву.

– Ишь ты, по нраву! Ин ладно, в погребе молоко, хлеб в холстине завернут, корми его и себя не забывай.

– А ты куда с утра пораньше? – серьёзно спросил Баженка.

Трофим от души засмеялся.

---

¹⁸ Выжлец – гончая, ищейка.

¹⁹ Джаным – дорогой (полов.)

- Много будешь знать, скоро состаришься.
- Ещё не скоро, это ты уже старый.
- Я старый? Вот те раз! Ин ладно, для тебя, оно понятно, я старый.
- Ты дружинник? Одежда-то какая красивая!
- Дружинник? Вот пострел, угадал! Нет, брат, бери повыше.

Он вышел на крыльцо, надел шапку и увидел, что от соседской избы идёт Антонина, неся на вытянутых руках дымящуюся миску. Была она в строгом платке, сарафане. Высокая, стройная, красивая.

Трофим засмотрелся, и сердце сладко заныло.

– Трофим, я с утра варила гороховую похлёбку, уж отведай, – сказала соседка, ласково улыбаясь. – Правда, у вас почему-то и суп, и похлёбку называют «ухой». Ну вот, пусть это будет уха гороховая... Сам-то себе вряд ли что станешь варить.

– Да, с варевом у меня худо. Могу кусок мяса на костре поджарить, вот и всё, – ответил Трофим, чувствуя, как в животе заурчало.

– Вот и поешь, пока горячее.

– Никак не могу, Антонина, поспешать в детинец надо. За заботу спаси тебя Бог! Вот вечером я бы с удовольствием похлёбки отведал.

– Вечером будет и что-нибудь повкуснее, – отвечала она заботливо.

Трофим благодарно склонил голову и быстрым шагом пошёл вдоль Серебрянки по направлению к Серебряным воротам Рязанского кремля.

Голова кружилась от запаха, который исходил от Антонины, её улыбка, её забота о нём... О нём давно никто не заботился, и еды вареной он давненько не отвеживал.

«Какова! – восхищённо думал о соседке. – Как идёт, как смотрит!»

Уже одно то, что рядом с ним живёт ладная женщина, вдова, которая с такой душевностью отнеслась к нему, основательно подогрело его и приподнимало настроение.

Было раннее утро.

Духота, томившая ночью, отошла, сменившись утренней речной прохладой.

Тишина и покой.

Плеск рыбы на реке.

Коровьи рожки.

Шёл Трофим через берёзовый околок, шёл – и сердце радовалось: дома.

Он знал, что Евпатий с утра вызван пред княжеские очи и непременно проедет через Серебряные ворота, хотя, может статься, и через Подольские. Но тут уж как повезёт.

Завидев впереди полтора десятка всадников, ускорил шаг, спеша к воротам.

«Не ошибся, через Серебряные ворота поехал дружe», – радостно думал Трофим.

Евпатий и Лев Гаврилович ехали впереди. Следом за ними, оба на вороных жеребцах с богатой сбруей – Вадим Данилович Кофа и очень похожий на него, но более пожилой боярин, в собольей шапке и тёмно-синем кафтане, расшитом золотыми нитями, рязанский воевода Данила Данилович Кофа – родной брат.

Трофим успел вовремя, стал сбоку, снял шапку и низко поклонился.

– Батюшка! – вскричал Евпатий. – Это же Трофим! Как и есть Трофим! А я слышал, сгинул ты в половецком плену...

Соскочил с коня и подбежал.

– Друже! Трофиме! Неужли и вправду вживе?

– Евпатий, я слышал, что и ты оказался вживе, – отвечал Трофим, – и говорят, самым чудесным образом.

Оба рассмеялись.

Трофим поразился, как возмужал его десятник, как заматерел, раздался в плечах.

«Могутной», – только успел подумать, как оказался в медвежьих объятиях.

– Евпатий, – просипел, стиснутый. – Удавишь ведь... Руки аки клещи кузнечные.

– Хлипок ты стал, Трофим, – услышал в ответ.

– Нет, Евпатий, я ещё силен, просто ты стал зело изряден мощью.

– Друзе, чую, разговоров у князя будет множество, посему заутре жду у батюшки, – торопливо сказал Евпатий. – Приходи в Межградье, недалече от Подольских ворот, спросишь у дружинников Льва Гаврилыча.

– А что это там?

– Там тебе и скажут, и обскажут. Ко Льву Гаврилычу, токмо и говори.

– А всё же?..

– Тайная княжеская служба.

Трофим едва не задохнулся от волнения: ничего себе!

– Меня туда пропустят? – спросил совсем глупо.

– А то как же, друже! Батюшка говорил о тебе с князем намеренно.

Евпатий сел на коня и немного осадил его. Горяч конь у десятника.

Трофим хотел шуткануть беспечно, но вовремя прикусил язык на всякий случай. Теперь стало понятно, почему дружинники так смирили перед взором Вадима Даниловича Кофы, почему он в княжеские покои входил, как в свой собственный терем. А ведь он не самый главный, главнее его Лев Гаврилович Коловрат, вот ведь в чём дело.

Отряд подъехал вплотную к воротам.

Стражи, заведя Евпатия, так усердно застучали древками копий и так широко улыбались, что Вадиму Даниловичу пришлось сделать строгое лицо и даже пригрозить кулаком.

Смолчали и построжили для вида.

Зеваки, собравшиеся у ворот, rybари да рядовичи, гости в возках, жаждущие княжеской милости, глядели на Трофима с почтением, и он стал зело доволен.

Доволен, но немного встревожен.

«Тайная княжеская служба? Вот это да, – думал он. – А я с какого боку? Что я могу? Моё дело на коне скакать да врага разить мечом. Ну, застава сторожевая тоже по мне. Но не более того. Я чай, заутре мне всё дотошно растолкуют».

Пока Трофим соображал, из детинца вышел княжеский бирич и объявил всем собравшимся:

– Нынче рязанский князь Ингварь Игоревич недужен и принимать никого не станет. Весь день.

Все нехотя стали расходиться и разъезжаться.

И Трофим пошёл к своей избе.

«Земля чужая – урон наш»

Год битвы при Калке, как ни странно, более всего заставил задуматься северо-восточных князей: владимирского и рязанского. Особенно рязанского. Почему так? После гибели Александра Леонтьевича Поповича тайными делами ведал воевода Еремей Глебович, и, не в обиду ему будет сказано, ведал неважнецки. В зловещем отражении реки Калки не чуял он никакой беды, веруя в несокрушимую силу владими́ро-суздальского войска.

Южные княжества, первыми испытавшие на себе монгольский меч и последними страшное окончательное поражение, беспечно вели межусобные войны, деля территории, силу влияния, смердов.

Северо-восточные княжества, не испытавшие в тот год никакого военного лиха, каждое по-своему восприняло худые вести, которые привезли – Алёша Суздадец во Владимир, Евпатий Коловрат в Рязань.

Алёша Суздадец пред грозные очи великого князя Юрия Всеволодовича так и не попал. С ним говорил городской воевода Пётр Ослядукович. Он-то и намекнул туманно, что-де Еремей Глебович ныне далече и сопровождает государя по каким-то зело скрытым и неотложным делам.

К рассказу Алёши Суздальца воевода отнёсся пренебрежительно, благо что выслушал, хмыкнув при этом, мол, побьём всех без разбору, пусть только сунутся.

– Да и что ты так яришься? – спросил воевода. – Воевода тайных дел Еремей, после похода на Чернигов, обо всём государя известил, ныне батюшка ведаёт, что к чему, и никаких монголов не страшится.

– Еремей в открытом бою с монголами не сталкивался, голов им не рубил, сам в ответ меча не получал, вони ихней не вынюхивал и, кто они такое, даже близко не понимает. А должен бы!

– Ну ты, не много ли берёшь на себя? – возмутился Пётр Ослядукович. – Мал ещё воеводе Владимирского княжества указывать, где и кого вынюхивать. В порубе за словеса свои посидеть не желаешь? А коли не желаешь, давай-ка езжай в свой Суздаль, проведай матушку да батюшку. А не то...

Выйдя от воеводы, Алёша ругнулся, помянув лукавого²⁰, нехотя дал в зубы молодому гридню²¹, который, как показалось раздосадованному витязю, скалился про него.

Сел на коня, прикрикнул на своего оруженосца Кондрата и поскакал в Суздаль, последовав совету воеводы.

Совсем иначе повёл себя рязанский правитель. И дело не только в порубежном положении княжества, не только в самой личности Евпатия, к двадцати трём годам снискавшего себе славу, но и в громком имени его отца, ставшего легендой при жизни.

– С радостью тебя, Лев Гаврилыч!

Юрий Игоревич подошёл к воеводе и обнял душевно.

– Благодарствую, княже! Уж и не чаял...

Голос воеводы дрогнул.

– Дозволишь Евпатию поклониться князьям рязанским?

– Зови!

Вадим Данилович открыл обе створы дверей.

---

²⁰ Никаких матерных выражений в домонгольской Руси не существовало.

²¹ Гридень – воин, дружинник.

Вошёл Евпатий.

– Господи! Как возмужал-то, как возмужал! – воскликнул князь. – А ведь всего-то прошло четыре месяца.

Евпатий поклонился.

– Разумею, что за сей краткий срок прожито немало жизней и друзей верных, отважных потеряно великое множество, – продолжал князь. – Ингварь Игоревич велел принять вас с честью, выслушать со вниманием и совет держать всем сообща.

Жестом пригласил сесть.

– Евпатию Коловрату рязанский правитель велел выразить особую радость. И я к велению сему с удовольствием присоединяюсь.

Он трижды обнял Евпатия и облобызал в щёки.

– Сам-то Ингварь Игоревич недужен, други мои, зело недужен.

Все знали о тяжкой хворобе рязанского князя, искренне сожалели, ибо знали, что немало испытаний выпало на его долю. В сечах Ингварь Игоревич никогда не прятался за спинами дружинников, чудом уцелел при Исадском злодеянии, беспрестанно поднимал Рязань из пепла и радел за неё и строил. При его правлении половецкие набеги стали столь редки, что матери перестали пугать детей словом «половцы».

Сейчас, расходуя последние жизненные силы, Ингварь Игоревич заботился строительством Льговского Успенского монастыря, для чего из Византии были выписаны зодчие и свозился камень-гранит, камень-ракушечник, белый камень со всех окраин Рязанского княжества.

– Здесь ли Данила Данилыч?

– Брат ждёт твоего слова, – ответил Вадим Данилович.

– Зови немедленно.

– Княже, дозволь?

Юрий Игоревич кивнул.

– Прикажи покликать моего верного друга и оруженосца Найдёна, он сын кузнеца Светозара. Светлая голова, острые очи, мог видеть то, чего и я не узрел. Сражался буетно²².

– Светозар – старшина кузнецов, почитаем и уважаем рязанцами и не только. Рад, что и его сын – плоть от плоти рязанской. Позвать!

Найдён поклонился князю и остался стоять возле лавки, не смея сесть рядом с воеводами. Стоял до тех пор, пока Лев Гаврилович не прикрикнул, заметив недовольство в глазах князя.

Дружинники у дверей распахнули обе створы, вошёл княжич Фёдор Юрьевич. Все встали и поклонились. Княжич поклонился в ответ, тряхнув русыми кудрями.

Княжича любили все: незлобив, не заносчив, прост в общении, княжеским происхождением не тыкает каждому встречному в лицо, ведёт себя скромно, любит читать летописные своды.

По первости выслушали рассказ Евпатия и Найдёна.

Поохали, повздыхали о судьбе витязей.

Князь поручил Льву Гавриловичу и Вадиму Даниловичу усилить внимание на Дикое поле и подготовить прелогатаев для засылки к ставке самого монгольского владыки.

– Как его кличут, Лев Гаврилыч?

– Чингис-хан, княже.

– Ох ты, как звучно! Что сие значит?

– Верховный владыка, присланный небом... Что-то такое.

– Пора бы уж поболее разведать о владыке сём грозном и помыслах его.

---

²² Буетно – дерзко, отважно.

Разговоры в просторной горнице княжеского дворца продолжались далеко за полночь. Уже не один, а несколько витых византийских подсвечников стояло на столах, освещая щедрое угощение и раскрасневшиеся лица сидящих.

Каждому из присутствующих льстило, что Юрий Игоревич с ним советуется, внимательно выслушивает и учитывает сказанное при решении.

Было наказано поднять число сторожевых застав, дабы в каждой ратников стало не менее двадцати.

Сторожа́м вникать в Дикое поле более чем на пядь десятков вёрст, с попеременной сменной гонцов, аще²³ таковые спонадобятся.

Тайной княжеской службе иметь число прелатаев, кое способно многократно разведывать в половецких аймагах и кышлагах, Асских²⁴ горах, Дербенте, Грузии, Хорезме, до самой монгольской стороны.

Биричам объявить народу, что рязанцев, кои станут обучаться ратному ремеслу по хотению, ждут всяческие льготы, будь ты кузнец, бочар либо хлебопёк.

Кузнецам Южного предградия исполнять княжеский заказ, превыше всего – на изготовление всяческой воинской sprawy, а уж после – серпов да лемехов.

– Помимо ратных дел, государи мои, – говорил Юрий Игоревич, и все понимали, что не сегодня завтра станет он рязанским князем, – треба развивать торги с иными странами, богатей надобно, пусть людишки радость ведают, что рязанцы...

У всех на душе потеплело после таких слов, Данила Данилович даже привстал.

– Великое спасибо тебе, князь наш, – сказал проникновенно. – За то вся земля Рязанская благодарна будет.

– То наказ Ингваря Игоревича, – ответил князь. – Да и совет держим, бояре и воеводы, о всём крае нашем благонравном радеем, поскольку рязане. Суть не в том, кто указал, а в том, чтобы польза вышла.

– Гости богатые с Востока хаживают к нам через булгар, вот то и сомнительно, мордва Пургасова озорует, – озабоченно произнёс Лев Гаврилович, – земля не наша, но урон мы претерпеваем.

– То верно, воевода, а посему вяще²⁵ надо осваивать Великий Волжский путь, тако же через Днепр к болгарам да Византии.

Юрий Игоревич поморщился, как от внезапной боли, кашлянул и продолжил:

– Разумею, у греков неказисто выходит, почитай два десятка лет под латинцами. Но выход для торговых справ, одначе, надобен. Жадным папистам русские мёд, лён, пенька и меха тоже в радость. Но и не только то, на Запад идти треба, через Полоцк да Чернигов, Киев да Волынь. Знамо, ляхи там да угры, немцы опять же... Хотение у них одно, дабы Русь не цвела, а хирела. Потому торговое дело – опасное, сродни сече. Ратников для борони наших купцов подбирать придиристо и снаряжать дотошно. Мыто²⁶ в княжью казну – достаток да изобилие всей Рязанской краины.

Над стольным городом висела тёплая ночь.

Дозорные на сторожевых башнях окликались зычно.

Серебряный месяц висел прямо над княжеским теремом огромным шаром, и был в его сиянии и уют и покой на всей Рязанской земле.

– Варун, возглавлявший наше купечество намерен отошёл с миром, – объявил князь Юрий Игоревич.

---

²³ Аще – если.

²⁴ Асскими называли Кавказские горы.

²⁵ Вяще – более.

²⁶ Мыто – торговая пошлина.

Все перекрестились:

– Царствие небесное!

– На днях иного выбирать станут. Голос князя за Звягу, твоего сродственника, Лев Гаврилыч.

Воевода встал и поклонился.

– Звяга – муж достойный, вьедливый, но праведный. Ему в советчики поставим боярина, дабы вёл догляд за нашим и пришлым купечеством, мыто сквозь княжью казну уплывать не может.

– Княже, дозволь?

– Говори, Данила Данилыч.

– Мой боярин Жидислав Путятитч – муж не ратный, но грамоте разумеет и в считании силен.

– Знаем его. Ведает ли языки иноземные? Не станет ли утаивать не своё? Место хлебное...

– Упаси боже! – перекрестился Кофа-старший. – Муж честен, языки гораздо ведает – фряжский, грецкий и ещё чудный такой, каркающий.

– Это как горячей репы в рот набрал и силишься вещать при этом? – усмехнулся Лев Гаврилович. – То английская речь.

– Пришлѣшь ко мне боярина, – велел князь. – Станем с ним на каркающей речи баить.

Все дружно рассмеялись.

Смех – смехом, а Юрий Игоревич во многих чуждых языках гораздо смыслил, к тому и княжича Фёдора охотил.

– Добро, пришлю заутре.

– Но гляди, Данила Данилыч, – холодно молвил князь, – коли что не так выйдет, спрошу с него пытливо, но и с тебя дотошно.

С этими словами Юрий Игоревич посмотрел на сына. Княжич откровенно клевал носом: время позднее.

Зыркнул гневно, мол, привыкай. Фёдор встрепенулся, мол, просто задумался.

– Государи мои, хочу услышать ваше слово для всеобщего русского бедствия, о пожарах, – сказал князь неожиданно для всех.

– То великое бедствие, – торопливо молвил Данила Данилович.

– Не дай господи никому! – перекрестился Лев Гаврилович.

– То-то и оно! – возвысил голос князь. – Не дай господи! Самим плошать тож не с руки.

– Это как же, княже? Что делать накажешь? – спросил Вадим Данилович.

– Стольный Владимир два года назад выгорел от малой лучины. Не уберегли даже дворец Константина Мудрого: библиотека его более тысячи книг, дары святейшего патриарха – всё сгорело. Книги, свитки, летописи – бесценная память пращуров – вышли в пепел и золу. Это как? А совсем недавно, месяца не минуло, сгорел великокняжеский дворец и две церкви при нём. Юрий Всеволодович, должно быть, в великом расстройстве пребывает...

Его голос дрожал от возмущения.

– Неучтивость наша, нерадивость, мол, ещё построим... Память пращуров заново не выстроишь.

– Пожары издревле спутники строительства, – подал голос Данила Данилович. – Всё из древа возводим.

– Из древа, да, а потребно более камень завозить и строить каменно.

– Хорошо бы.

– Камень – то будущность, – подытожил князь, – а пока мысля так: древнему бедствию надо укорот сотворить, дабы владимирцам не уподобиться. Треба выделить до сотни дружинников в отдельный отряд – доглядать за огнём в избах и теремах. Кои нерадиво пользуют огонь

– штраф и наказание, невзирая, боярин ли это, тиун либо смерд. Тот же отдельный отряд будет при начале пожара бороться с ним всеми силами и средствами. Снабдить их топорами, крюками с вервью, бадьями. Повсеместно ставить бочки с водой, размером поболее.

Он медленно обвёл всех взглядом и закончил:

– Отряд немедля должен быть выделен! Справа рязанского воеводы. Строгий наказ. Понял ли, Данила Данилыч?

– Княже, наказ есть наказ, будет исполнен.

На том и порешили.

Сумерки Суздаля

«Владимирская земля!

Заповедные края, обетованные!

Вотще в миру твердят, что обетованные сиречь те места, коих касались ноги Спасителя. Вотще.

По нашим краям сам Творец всякий раз пролетает низенько и радуется тому, что людям ниспослал...»

Владимирский летописец Павел отложил писало, приподнялся, поправил тлеющую лучину и продолжил свой труд:

«Праведно ли сие? Праведно ли каждый глагол летописателя доносить наследкам²⁷? Мыслию тако: мысли мои – мысли многих ныне живущих. Аз способен нанести их на хартию и соделать достоянием прочих. Иной раз сам себя извожу пытаниями: ты кто еси, отче? Что ты пишешь? Како словеса таковы к пергаменту пристають? И отвечаю сам же: сыне, я всего лишь описываю горестные события, но не творю их...

...Аз есмь грешник. Летописатель, знамо дело, но греховедец лютой, ибо блядословие внешнее вкупе с муками внутренними – справа греховная, кою искупить невмочно.

Пошто?

Егда²⁸ Спаситель сподобит взять писало перстами и склониться над пергаментом, дабы почати сказание о нынешнем и минувшем, аз вборзе впадаю в неистовую блазнь²⁹, возносясь над кельею, обителью, всем Божиим светом...

Охти мне грешному! Охти мне окаянному!

Возношусь шибко, с горних высот обзираю порубежье великокняжеское, монастырские уголья; воочию зрю лики правителей глубокой древности земли нашей светлой.

Паче того, одолевает мя рачение³⁰ великое, коим переполнен есмь и кое бесприкладно³¹ струится по всем моим членам.

Помыслив толково, понимаешь, что не горний то полёт – неприязненный³². Аз мню, дескать, достославен, мню, что сам игумен... Нет, сам владыка вкупе с великим князем величают мя прозорливцем и печальником земли Русской.

Гордыня то, смертный грех...

Благо, сей порыв краток: возжигается вборзе и гаснет тако же... Далее починается мука вопросами хитрыми: прочен ли аз, жалкий летописатель, глаголать устами пращуров великих? Не одержим ли дмением³³, не кощунствую ли, тужась постичь непостижимое? И коея лихва истины в строчках моих на сём книжном поприще?

А ответов внятных нет!

Аз есмь аки колодник, бредущий по заточным³⁴ кущам, забит и гоним настолько, что не чую даже отчего дыма, проистекающего близ. Аз есмь глух, ибо не внемлю даже брѣха сторожевых псов порубежных весей...

---

²⁷ Наследки – наследники, потомки.

²⁸ Егда – когда.

²⁹ Блазнь – сомнение, искушение.

³⁰ Рачение – забота, любовь.

³¹ Бесприкладно – беспримерно.

³² Неприязненный – враждебный, дьявольский.

³³ Дмение – надменность.

³⁴ Заточные – глухие.

Аз – летописатель, но, охти мне, подвержен блазни зазорной, а тому быть не должно. Ибо блазнь – чистый путь к бездне, а бездна – бездонная сущность. Блазнь – помарки страшные, сиречь порча пергамента, который дороже хлеба насущного.

Аз есмь летописатель, и строчки мои сиречь твердыня моему повествованию, а его истинное подспорье – правдивость и вечное противленье искушениям Вельзевела.

Аз есмь летописатель.

Аз есмь трудник.

Аз есмь червь? Червь?! Истинно так! Ибо, аки червь, питаюсь землёй; из неё вышел, в неё уйду, обретя вечное умиротворение. Потому паки вживе, истово внемлю гласу земли моей.

А она кличет порадеть за неё.

Воин овладел мечом и ратной сноровкой, и ныне надлежит ему блюсти честь и рубежи отчины своей.

Жалкий монах овладел грамотой и книжной премудростью, и ныне надлежит ему, став летописателем, поведать присным³⁵ наследкам о буднях и бранях века нынешнего. Ибо человек тень есмь: мелькнул кратко – и нет его. Но благие деяния отзываются длительно, егда внесены в пергамент.

Минувшее помогает постичь нынешнее, обнажив всю его глубину и значимость.

Аз есмь мечник с писалом.

Служу земле Русской.

И впредь буду...»

В начале XI века Ростово-Суздальская земля, принадлежавшая киевскому князю Ярославу Мудрому, который являлся и князем новгородским, была охвачена восстанием. Мятеж был вызван неурожаем, закабалением смердов-общинников и насаждаемой повсеместно христианской религией.

«Въсташа волхвы в Суздали». Именно волхвы руководили смердами, которые подступили к Суздалью и «нача избивать старую чадь, по неже держат гобино» – захваченный общинный урожай.

Летопись отмечает, что «бе мятеж велик и голод по всей той стране».

Для подавления восстания из Новгорода в Суздаль прибыл сам Ярослав Мудрый, который, как сообщает летопись, «изымав волхвы, расточи, а другие показни...».

Также он укрепил старое поселение Суздаля земляным валом с тыном из крупных дубовых брёвен. С наружной стороны этот вал частично огибала река Каменка, а со стороны плато был вырыт глубокий ров.

Новая крепость имела три проездные башни. За Ильинскими воротами и восточным рвом крепости постепенно разрастался посад (торговый).

С востока его территорию прикрывало русло впадавшей в Каменку речки Гремячки, в устье которой на высоком берегу стал в XII веке монастырь Козьмы и Демьяна – покровителей кузнечного дела.

С севера посад защищал искусственный ров (Нетёка), смыкавшийся с Каменкой. Видимо, незадолго до монгольского нашествия по этим границам посада, превосходившего по площади кремль в два раза, был сооружен вал с крепкой тыновой оградой – острогом. Он имел трое главных ворот.

За северными в 1207 году был основан Ризоположенский монастырь.

Вторые ворота выходили к верховью Гремячки.

Через третьи, южные, шла дорога к селу Кидекша – впоследствии резиденции князя Юрия Долгорукого.

---

³⁵ Присный – здесь: родной, близкий.

В 1107 году Суздаль подвергается нападению болгар. Ростовская летопись рассказывает так: болгары «обступиа град и много зла сотвориша воююще сѣла и погосты, убивающе много христиан... суздальцы затворишася во граде».

Булгарское разорение и вызвало приезд в Суздаль Владимира Мономаха в 1108 году.

Он строит первое соборное здание в честь новой, христианской религии, и собор тот, в отличие от деревянного ростовского, был воздвигнут каменным, стены внутри его расписаны фресковой живописью. Сохранились также Златые врата южного и западного порталов – памятник древнерусского прикладного искусства.

Так Суздаль постепенно отнимал первенство у Ростова и в результате стал стольным городом Ростово-Суздальского княжества, первым самостоятельным князем которого был сын Владимира Мономаха Юрий Долгорукий.

«Строитель русских городов» любил Суздаль, устраивая его на свой лад, построил здесь церковь Спаса и жил в нём больше, чем в Ростове. Из Суздаля он выступал в походы и возвращался в него.

Суздаль делается его постоянной резиденцией. Даже когда Юрий стал киевским князем, в Киеве его окружение составляли не ростовцы, а суздальцы.

Суздаль времён Юрия превращается в столицу огромного северо-восточного княжества, границы которого на севере доходят до Белого озера, на востоке – до Волги, на юге Суздальское княжество граничит с Муромо-Рязанскими землями, а на западе – со Смоленскими и Новгородскими. Сильная и обширная Новгородская республика начинает считаться уже с Суздалем, а не с Ростовом.

Сильная княжеская власть вызвала противодействие ростовского и суздальского боярства, дабы возвратить свое политическое первенство. И тогда князь Юрий Владимирович обустроивает себе резиденцию в Кидекше.

Кидекша закрыла вход в Каменку – водный путь на Суздаль.

Именно здесь Юрий оказался гораздо большим господином над Суздалем, чем если бы он сидел в самом Суздале среди враждебных бояр, власть и самовольство которых сильный князь ограничивал.

Основной политикой Юрия Долгорукого было сохранить и закрепить эту молодую растущую вотчину за своей семьёй и утвердить её первенство по всей Руси.

Юрий держит своих младших сыновей – Василька, Михалка и Всеволода – в Ростове и Суздале. Однако старший его сын (от другой жены) Андрей (позже названный Боголюбским) не выпускает из внимания богатейшие просторы Суздальской земли, хотя по повелению отца и сидит на юге, в Вышгороде.

В надежде на восстановление своего политического господства и усиление веча над властью князей суздальское боярство сманивает Андрея на правление Суздальским княжеством.

Летописец под 1157 годом сообщает, что «Суздальцы и Ростовцы вздумаша вси пояша Андрея», то есть просили Андрея. Избранием князя «по своей воле» боярство думало ограничить его власть. Однако расчёты старейшин не оправдались. Нарушивший своим уходом из Вышгорода ряд отца, Андрей не только не становится на суздальский стол, а, наоборот, порывает с Суздалем и его старыми боярскими кругами и обосновывается в младшем городе – Владимире, основанном его дедом Мономахом.

Руководящей мыслью Андрея Боголюбского было укрепление единовластия в княжестве, создание новой общерусской столицы, вместо старой матери русских городов – Киева, и объединение раздираемых усобицами русских княжеств с учреждением во Владимире – пригороде Суздаля и Ростова – великокняжеского стола.

С этого времени Суздаль начинает терять своё политическое первенство.

Алёша Суздалец часто вспоминал слова, ещё в детстве услышанные из уст батюшки своего Фёдора Семёновича, мастера Фёдора, как любила повторять матушка Марфа.

«Зодчий он, Божьей волей каменных дел мастер».

Именно Божьей волей, иного объяснения не существовало.

– Силы во мне необъятные, – говаривал мастер Фёдор. – Сомкну очи и вижу – собор, палаты, а то и терем из белого камня.

Он по привычке отряхивал руки, словно от извести или алебастра, даже в те дни, когда не трудничал, поправлял ремешок на волосах и добавлял значительно:

– Господь так судил! Зодчество наше – суть отражение лепоты Духа Небесного, дабы землю нашу украсить. А из камня – суть долготы и прочность сооружений. Ведаю, в свитках древних сказано о благолепных градах русов-пращуров, кои возносились до небеси самой... То мы – наследки их! Ныне ромеи обучают нас зодчеству – кривда и блядословие, прости меня, Господи!

Истово крестился, и лицо делалось светлым изнутри, торжественным.

Сейчас, спеша домой, переходя с рыси на галоп, но не забирая верного коня ударом плётки, Алёша Суздалец с особой теплотой вспоминал недавно прошедшее, но теперь казавшееся таким далёким.

Дед Семён поначалу обосновался неподалёку от Ильинских ворот кремля, за восточным валом.

Но когда посад этот облюбовали рядовичи-торгаши и стали селиться, махом возводя большие избы с хозяйственными дворами, а потом и терема, Семён плюнул и переселился южнее, ближе к речушке Мжаре, при её впадении в Каменку-реку.

Сладил баньку, в которой временно и жил, пока рубил просторную избу.

Был он простым плотником, но человеком гордым, настоящим суздальцем; как и многие горожане, ратовал за восстановление прежнего статуса столицы княжества, утраченного стараниями Андрея Боголюбского, который всемерно возвышал Владимир: украшал его новыми храмами, укреплял оборонительными валами.

Глядя на всю эту красоту и мощь, радовались только княжеские милостники, то есть те, кто получал от князя Андрея милость – земли, дары, звания. Но бояре, видя усиление единодержавной власти и чувствуя на себе крутой нрав властителя, смотрели на всё с затаённой злобой.

Проще говоря, старые грады Ростов и Суздаль завидовали Владимиру.

«Они холопы наши, каменщики», – говорили о владимирцах гордые ростовские бояре.

«Владимир – наш пригород», – твердили суздальские – надменные, с серебряными обручами – гривнами – на толстых шеях.

«На чём старшие града сдумают, на том и пригороды станут» – таков был древний обычай.

Теперь всё выходило иначе.

Обострились противоречия между старыми Ростовом и Суздалем и новым Владимиром. Это и было противоречие между старым родовым боярством и новым служилым сословием.

Поэтому после убийства великого князя в 1174 году, когда разгорелась кровавая борьба за владимирский стол, суздальцы, в том числе и дед Семён, ведомые боярином Андреем Фёдоровичем Голтыевым, выступали в поддержку его рязанских племянников, старших по возрасту Мстислава и Ярополка Ростиславичей.

С другой стороны выступали младшие – Михаил (Михалка) и Всеволод.

Они-то и одолевали.

В 1176 году Михалка сгиб под серой завесой тайности, но Всеволод исхитрился и наголову расколотил войско Мстислава, а потом и рязанского князя Глеба, который вскоре умер в темнице.

Ростиславичей Всеволод лишил зрения и отпустил на волю.

Хотя какая же воля без света божьего?

Великокняжеский стол во Владимире, словно норовистого коня, оседлал Всеволод III Юрьевич.

Судьба Суздаля, таким образом, была решена, никакого князя ему не досталось, он просто вошёл в состав княжества, в наименовании которого сохранилось его славное название – «Владими́ро-Сузда́льское».

Горожане горевали крепко, но решили жить дальше.

В память о сгибшем старшем брате слободу у речушки Мжары, при её впадении в Каменку-реку назвали Михайловской, и отныне все, кто в ней проживал, стали княжьими людьми, неся тягости и повинности такого сословия.

Но, к немалой радости суздальцев, новый великий князь, прославленный народной молвой жестокосердным, стал по-отечески заботиться не только о стольном граде Владимире, но и о прочих градах. Суздаль особо привлекал его, и это сказалось во многом.

В 1194 году полностью обновили изрядно потрёпанную ограду Суздальского кремля.

– То и лепо! – восклицал дед Семён. – Нас уже болгары сердито осаждали и похотели взять, когда Владимир только срубили малой крепостицей.

Денно и ночью трудился он над новым рубленным ограждением.

Маленький Федя приносил батюшке ядь³⁶ и с замиранием сердца взирал, как лихо летают стружки по сторонам, а отец топором так и метёт, поправит ремешок на волосах – и опять, озабоченно шепча при этом:

– Вишь, тын Мономахов. Был хорош, да стёрся весь, напрочен стал для борони нашей...

А всего через пару лет, ровно в 1196 году, начался большой ремонт собора Успения Пресвятой Богородицы в кремле, тако же возведённого во времена Мономаховы и тако же зело обветшавшего.

Коренным суздальцам глядеть на сие обветшание было горько: Богородица считалась покровительницей Суздальщины. И на тебе – великий князь не пожалел казны, затеяв огромное обновление главного собора.

Отрадным было и то, что для обновления собора звали мастеров «не от немец», а своих – княжеских, епископских.

Любо и то, что сам великий князь Всеволод Юрьевич приехал в Суздаль, ходил в обитель Козьмы и Демьяна, что стоит при впадении Гремячки в Каменку, и самолично звал руководить артелью зодчих и каменщиков старого мастера Пантелеймона, что обретался в монастыре.

Пантелеймон хорошо помнил Мономаха и время, когда добрый старый Суздаль впервые украсился каменными строениями – большим кирпичным собором Успения и княжьим двором при нём.

Старый мастер внял чести, оказанной ему, совсем немного покочевряжился и дал согласие. Руки и голова Пантелеймона потряхивались изрядно, но глаза и память оставались годными для великих трудов.

Великому князю Всеволоду Юрьевичу изрёк:

– Когда б твой дед не звал святой собор возводить греков да иных немцев, а сразу покликнул нас, грешных, ныне ремонт не приспел бы...

– Вот тогда-то я и стал примечать, что Федька не с соседскими мальцами бегаёт на валы або³⁷ в речке бултыхается, – рассказывал дед Семён Алёше. – Приходит вечером тихий какой-то, уставший и весь вымазан известью да глиной. Где платье извёл? Молчит. Да я и сам смекнул опосля.

---

³⁶ Ядь – еда.

³⁷ Або – или.

Старый мастер Пантелеймон давно приметил задумчивого юнца, что внимательно наблюдал, как собор одевают в леса, как сдирают старую известь и краску. Приметил и то, как у него горят глаза.

«Искра Божья – не иначе».

И понемногу стал привлекать к работам.

Да и то, Федя сызмальства восхотел стать здателем³⁸, всё время что-то строил из песка и камешков. Немного повзрослев, окончательно понял, что запах глины и алебаstra нравится ему гораздо больше, нежели смоляных стружек.

Ко времени возвращения Алёши в родной град его отец Фёдор Семёнович руководил артелью, которая на месте собора Успения Пресвятой Богородицы, ибо «своды его впали бе», возводила новый белокаменный собор Рождества Пресвятой Богородицы повелением великого князя владимирского Юрия Всеволодовича, при личном участии и духовном руководстве епископа Симона.

Был собор Успения, на его месте вырастал собор Рождества, как огромное стремление к возрождению жизни, её новому течению во всей красе и шири. Ведь Пресвятая Богородица была покровительницей Владимиро-Суздальской земли.

Рождественский собор на многие века стал красой и гордостью Суздальского края, почти в первозданном виде дошёл до наших дней, став посланием наших далёких предков.

Алёша Суздалец тогда ещё не стал для своего города тем, кем Евпатий Коловрат уже был для Рязани: сын зодчего, внук плотника, ему готовилась участь либо того, либо другого.

Но не привлекали его мирные ремёсла с раннего детства, и запах смоляных стружек, равно как и запах глины, не волновал Алёшу. Юнец во снах видел себя на поле брани, с мечом в руке и луком за плечами. И не страшило его скопище врагов: он знал, что надо делать, где его место в строю, как прикрыть спину сотоварища.

Алёша паче всего возлюбил Ростов, там жила родная тётка, там он приохотился ходить в кремль смотреть на учебные бои дружинников, которыми руководил легендарный Олёша Попович.

Подчёркиваю, что Олёшей (первая буква «о») его звали только в народе и ближайшие друзья, но полное имя – Александр.

Так вот, Александр Леонтьевич Попович и стал в ратном деле отцом Алёши Суздальца. Намётанным глазом определил он природную хватку поединщика в зелёном отроке.

Алёша не чистил конюшен поначалу, не затачивал копья и наконечники для стрел – Добрыня Злат Пояс, Тимоня и сам Попович по очереди обучали Суздальца мастерству боя, каждый своими способами, готовя из него непревзойдённого бойца.

Алёша обладал изумительным качеством, неведомо как он мог любому противнику навязать свою манеру боя, а потом играть с ним, как кошка с мышкой, то есть самому решать, с какого удара убить, потому что, навязав свой бой, он мог убить либо обездвижить в любую минуту.

В те дни Владимир, Суздаль, Ростов, Ярославль, Переяславль и Галич (залесский) оплакивали витязей Олёши Поповича, павших на Калке.

Судьба милостливо обошлась с родителями Алёши Суздальца, которые знали, что он в дружине, но никто не ведал, что тоже ушёл на Калку, мол, ещё мал, потому остался при князе Василько Константиновиче, потом ходил с его полком в Чернигов и на место гибели северной дружины...

---

³⁸ Здатель – строитель.

Простым людям хотелось, чтобы витязей залесских хоронили не изменщики-бродники, а свои – истинные русичи.

Так в народе говорили.

Так думали и родители Алёши Суздальца – Фёдор и Марфа.

По мере приближения к Суздалю вечерело.

Солнышко уже показывало самый край земли, зацепившись за верхушки деревьев, и уходило всё глубже, лишая добрых людей своего божественного света.

Оруженосец Кондрат посмотрел в сторону заката, что-то неопределённо хмыкнул, пожав плечами.

Это означало: близится ночь и надобно поспешать...

Кондрат – вида лютого, нрава угрюмого, но ум имел живой, бойкий и на доброе слово всегда откликался добром.

Суздальцу предан по-настоящему, поклялся служить ему навсегда.

Да и что такое оруженосец русского витязя? Это отречение от себя самого.

Знакомство их вышло таковым.

Алёша, тогда младший дружинник князя Василько, приехал домой на три дня.

Ладно одет, при боевом оружии, на добром коне ехал он по родной Михайловской слободе, блаженно ловя на себе девичьи взгляды.

И вдруг увидел, что у высокой ограды терема боярина Андроника четверо дворовых, по одежке видно, что из кремля, не спеша, деловито быют одного – большого и мохнатого.

С кремлёвскими никто не рисковал связываться, дело бесполезное, пахнет штрафом – бояре в кремле знатные, им покровительствует сам великий князь...

И в Алёше разыграло.

Не слезая с коня, прикрикнул.

– Ты кто таков, шиша, чтобы кремлёвским указывать? – не поворачивая головы, огрызнулся один из них.

Другой его сразу одёрнул и шепнул на ухо.

Все четверо сняли заячьи шапки, поклонились и ушли.

– Пошто били? – спросил Алёша.

– А так просто, мол, упаду или нет.

– Упал?

– Нет.

– Кличут как?

– Кондратом.

– Ты ж ведмедь, по виду взять. А эти кто? Мелки да прозрачны.

– Тебе легко сказать, ты из полка Поповича.

Алёша удивился:

– Откуда ведомо?

– Этот шепнул другому, мол, не связывайся, бо все они в буюсти зашибить могут... А ты ещё и с мечом.

– Супротив таковых и меч обнажать соромно. Да и то малый меч, но и он лишь супротив врага, а эти – мшица. Неладно, когда забирают... – Он окинул взглядом Кондрата. – ...пусть и немалых. Пошто сам по сопелке не сладил?

– Сирота я, одному несподручно, всё одно зашибут.

Жаль стало Алёше Кондрата.

Привёл домой.

Мамынька накормила.

Упросил отца взять увальня камни колоть на щебень.

Так стала их приязнь.
После и в оруженосцы сгодился.
...В Суздаль въехали при сумерках.

Трофим и Мария

Тяжко надвигался вечер.

Тучи грозные, лохматые ходили ходуном, да ветер скорбно подвывал.

Тягостно было...

И вдруг невдалеке зазвучал женский голос. Запел неожиданно легко и свободно, как жил, как дышал.

Светло и красиво лилась песня о том, как широки и раздольны рязанские просторы, что величава и вольна Ока-матушка, как прозрачны небеса над Русью и каким драгоценным узорчьем сияют над ней звёзды Божьи.

И утих ветер, и раздвинулись рваные лохмы туч, и засияли над Русской землёй, исходя тоненькими лучами, кристально чистые звёзды – целое Божье воинство защитников.

Какое время – такие песни.

Наши русские песни всегда отражали мир, в котором мы живём...

«Мария поёт, – догадался Трофим. – Дивен голос у молодой вдовы. Уж если Господь наградит чем-то, так то воистину Божий дар. Была ведь неприметная девка, молоко разносила, а однажды вечером у берега Оки запела – вся округа сбежалась услышать, и все толковали, что это ангел с небеси спустился».

Марию Трофим встретил на третий день по возвращении из неволи.

Он спускался к Оке, она поднималась по крутому берегу, в сарафане и убрусе. Глаза печальные, с ранними морщинками, лицо строгое, красивое. Ничего не осталось от беззаботной певуны.

– Мария, ты ли?

– Я, Трофим. Пошто не признал?

– Другой стала.

– Время старит. Да и ты уж не прежний. С возвращением тебя!

– Спаси Господи, соседка.

Мария жила за три избы от Трофима.

– Как живёшь? Муж каков? Детки?

– Деток Бог не дал, а муж в прошлом году от горячки преставился.

– Царствие небесное!

На том и разошлись.

Негоже вдове с неженатым мужиком долго разговаривать.

Но живая душа к живой душе тянется.

Как-то раз Трофим проходил мимо, Мария как раз вышла кур покормить.

– Соседка, здравствуй! Помнится, ты молоко разносила по округе?

Спросил первое, что взбрело в голову.

– Уже не разношу, но коровёнка имеется. Ежели хочешь молочка, буду носить.

Другим же утром принесла в жбане, поставила и ушла.

– Спаси Бог, Марыюшка! – крикнул вослед.

– На доброе здоровье, – отвечала она.

Стала приносить каждое утро.

Он уже ожидал её прихода, чтобы вернуть порожний жбан и сказать пару ласковых слов.

Трофим видел, как теплеют глаза молодой женщины, он и сам стал понемногу оттаивать душой, но... неожиданное явление Антонины чуть всё не сгубило.

Едва Трофим вернулся домой, Антонина была тут как тут с миской дымящейся гороховой похлёбки.

Смело зашла в избу, нашла хлеб, ложку.

– Поешь, Трофимушка, должно быть, устал и голоден, – щебетала ласково.

Трофима такое вторжение насторожило, но смолчал.

– Баженка! – позвал мальчика. – Мария приходила?

Баженка вбежал, играя со щенком, который радостно полаивал, вертясь у его ног.

– Была, – ответил, запыхавшись. – Принесла молоко и говорит: где хозяин? А я отвечаю, мол, в кремль подался. Она ушла.

– Явилась какая-то замарашка, – съязвила Антонина. – С молоком. А сама зенками по сторонам зырк-зырк. Я-то ведаю...

– Откудов ведаешь, кто и зачем является? – грубо прервал её.

– Ох-ох-ох! – запричитала Антонина. – Было б о чём разговоры разговаривать... Давай о другом. Я вечером пироги затеяла. Ты какие больше любишь – подовые³⁹ или пряженые⁴⁰? Надьсы были с хлопцами в лесу, грибов видимо-невидимо, не хуже, чем у нас в Переяславле: лисички, боровики, белые. Набрали мешок, я страсть как грибы люблю. Поставила вымачивать. Сделаю грибочки. И земляники набрали туесок. Будут и сладкие пироги с ягодой. Это же лучше, чем просто молоко?

И улыбнулась загадочно, но достаточно ясно.

Трофим сомлел, от радостного предчувствия защемило сердце.

Нет, в нём уже поселилась Мария, но сейчас она как-то отошла в сторону и место её заняла эта взрослая женщина, которая так зазывно виляла бёдрами, уходя и оборачиваясь. Да, она умела привлечь, умела сотворить так, что при невзрачности облика казалась красивой и желанной.

...Она отдалась ему той же ночью, едва уложив своих хлопцев спать.

Вдова была жгучая, умелая. И Трофим изголодался по женской ласке, и всё у них вышло складно и ладно.

Ранним утром Антонина несла ему жареных карасей (когда успела?) и овсяного киселя. Загадочно улыбалась и что-то напевала.

– На службу? – спросила, оглядев.

– Воевода велел быть пораньше...

– Вот видишь, сам воевода ждёт тебя, – сказала удовлетворённо. – Значит, не ошиблась я сразу, когда подумала, что не шибко ты прост, мужик в одежде дружинника.

– О чём ты?

– Так, ни о чём, мыслю вслух, тебя дела ждут большие, – ответила Антонина вроде бы равнодушно. – Будет у тебя ещё и конь справный, и не один, изба поновее да рухлядь побогаче.

– Вот ты как! А ведь это – изба отца-матери, я её ни на что не променяю... Я в ней родился. Но не пойму, к чему ты клонишь.

– После, Трофимушка, после. Ты лучше ешь хорошо, а то со службой этой вовсе отошаешь, а ты мне нужен здоровый, сильный, – со значением сказала Антонина. – Хлопцы спозаранку рыбалили на Оке, рыбы у вас так богато, что дёргать поспевай.

Его покорило это «у вас», но смолчал.

Вскоре она ушла, на прощанье одарив многообещающим взглядом.

Проснулся щенок, протяжно зевнул и немедленно стал ластиться к хозяину, выпрашивая еды.

Дал ему кусок рыбы, налил овсяного киселя, немного размешав с водой.

Пока Албыч ел, Трофим раздумывал.

---

³⁹ Подовые – печёные.

⁴⁰ Пряженые – жаренные в масле.

Ощущение было такое, что залез в чужой огород и – поймали... Вроде бы грех детский, а стыдоба взрослая. Но невнятная какая-то.

Проходя мимо избы Марии, посмотрел с тоской: «Господи, что я сотворил?»

Пока шёл к Межградью, старался не смотреть в глаза встречным, стыд прожигал насквозь, словно после клятвопреступления.

И Мария сделалась далёкой. Дальше обычного.

Лев и Евпатий Коловраты и Вадим Данилович Кофа уже были на месте, принимали гонцов и посыльных.

Утро-то раннее, но тайная княжеская служба не знала дня и ночи, вести поступали со всех окраин.

Накануне из Киева прибыл гонец со срочной грамотой от воеводы Дмитрия Ивановича.

– Пишет, государь киевский Владимир Рюрикович повелел спехом бежать к Сурожскому морю, дабы выловить израдца Плоскиню, пока израдец сей сам не предстал перед диаволом за крестопреступление, – говорил Лев Гаврилович сыну. – То он выманил князя Мстислава Романыча, других киевских удельных и воевод, что держали бороню в старой крепости. Оных киян монголы, пообещав оставить вживе, казнили смертью лютой, а сей Плоскиня – воевода бродников – целовал принародно крест в том, что помилуют и отпустят.

– Так неужли он русич?

– Выходит, что по обличью – да, по нутру – нет, – ответил Вадим Данилович.

– Он из беглых, – продолжил Лев Гаврилович. – Они где-то близ моря живут безбедно, ловят рыбу, грабят проезжих купцов и людишек; зовутся бродники, и никакие князья им не указ. Воюют с половцами, но более всего ладят с ними, да и со всем остатним миром тоже – так и сяк.

– Если крест целовал, стало быть, православный? – засомневался Евпатий.

– В том-то суть, что и русич, и православный.

– Батюшка, прошу, не темни: мне зачем ведать про это?

– Воевода Дмитрий Иваныч вопрошает, а не пойдут ли к южному морю за Плоскиней тем с его кметями витязи дружины Александра Левонтыча – Евпатий Коловрат и Алёша Суздадец?

Вопрос прозвучал неожиданно, на некоторое время в горнице повисла тишина.

До Евпатия суть сказанного дошла не сразу. А когда понял, то немедленно воскликнул:

– А чего ж не пойти? Дело благое, заодно и половецких людишек нито пощипаем за их неправды.

– Любо! – передразнил сына Лев Гаврилыч. – Елене что скажешь? Баба едва оправилась опосля «нави»⁴¹ твоей.

– Елена знала, кто её в замуж берёт, – твёрдо возразил Евпатий. – Я и в те времена со сторож не вынимался.

– Чуть возвратился и сызнава в пасть волчью? Смотри, да думай, пряников сладких тебе там не дадут. Это я тебе как отец сказывал. А как воевода советую: заставлять не могу, только добрым согласиём.

– Память Александра Левонтыча к тому призывает, батюшка. И кто мы будем, ежели не отмстим за него и всех прочих?

– Да уж, – молвил Вадим Данилович, – израдец ныне ходит доволен собой и помыслить не смеет, что за ним придут. Не ждёт лиха на главу свою.

– Как же мой побратим Алёша?

---

⁴¹ Навь – смерть.

– Мыслю, должен быть в Рязани. Не утерпит. Гонца во Владимир я послал накануне. Зная Суздальца, скажем, выедет немедля, невзирая, что ночь. Утресь прибежит.

– Преклоняюсь пред тобой, воевода, – от души сказал Евпатий, – видишь на шаг впереди.

– То-то и худо, – посмеялся Лев Гаврилович, – надо бы на версту вперёд.

– Из Владимира прибыл витязь с оруженосцем, – объявил караульный. – Накажешь впускать?

– Впускай обоих. Вадим Данилыч, иди распорядись.

– Мыслю так, сыне, – шёпотом сказал Лев Гаврилович, – Елене и мамыньке скажем, мол, отправляешься в Киев, повезёшь грамоту князю киевскому Владимиру Рюриковичу от рязанского Юрия Игоревича. И не более того.

– Не годится, батюшка мой родный, жена моя правды достойна. А коли не можно сказать – краше смолчу. Про грамоту скажу, мы ведь повезём грамоту киевскому воеводе?

Но Елена не поверила в обычную безопасную поездку в южные края.

Понимающе улыбнулась и сказала с грустной улыбкой.

– Супруг мой, я, конечно, баба, конечно, глупая, но сердце моё и душа моя самим Господом Богом к тебе привязаны, а потому опасность, могущую угрожать тебе, я чувствую наперёд. Знаю, Евпатий, путь не скор, путь не прост, тем более что путь в те самые края, из которых ты едва вживе возвратился. И опять в пасть? Пообещай...

– Путь не близок, лада моя, – перебил Елену. – Обещать ничего не стану.

– И не говори, что грамотку повезёшь. Али у батюшки с дядей простых гонцов недостаёт?

– Грамотку повезу, как Бог свят, – ответил Евпатий, глубоко вздохнув. – О прочем даже не пытай.

– Не стану. Поезжай. Да хранит тебя Господь, Его ангелы и моя любовь.

Она перекрестила мужа, поцеловала в лоб.

Евпатий подошёл к колыбели сына Александра.

– Расти на радость нам, сыне мой, – молвил шёпотом, чтобы не разбудить. – Станешь большим, заменишь отца, будешь ему опорой и утешением, продолжением нашего рода рязанского.

Войдя в горницу, Трофим едва не присвистнул: ожидалось увидеть иное.

«Тайная княжеская служба, тоже мне... Голые бревенчатые стены, массивный дубовый стол с дубовыми же скамьями, несколько простых подсвечников на три свечи каждый, да полочки со свитками да книгами позади воеводского кресла. Небогато! Ихнее богатство и мощь не здесь, а в закромах князя рязанского».

Пока оглядывался, вошли воеводы.

Поклонился низко.

– Сядь, Трофим, – сказал Лев Гаврилович, – предстоит нам долгое толковище.

Послушно сел.

Льва Гавриловича он запомнил по первой встрече, то был день, когда оплакивали Евпатия. И то был совсем другой муж: стар, немощен, убит горем, часто моргающие глаза заволочены слезами.

Ныне пред ним предстал иной: пожилой, но холёный, с короткой бородой и властным взглядом, нос с горбинкой, голос твёрд. Один из первых воевод Рязанской земли. Такому и без желания станешь повелеваться.

– Трофим, сын Аникея из ремесленной слободы, – стал говорить Вадим Данилович. – Родителей вживе нет. Коренной рязанец. Дружинник Ингваря Игоревича. В полон угодил чуть более пяти лет назад, находясь в сторожевой заставе Дикого поля. Угодил по глупости и бес-

печности. Уцелел чудесным образом – один из пятерых. Ныне проживает в родительской избе. Так ли, Трофиме?

– Так, воевода, – отвечал Трофим осторожно. – Служил в десятке Евпатия Коловрата. В Диком поле наварались мы негаданно на диких половцев.

– То ведомо, что израды не было, – насупился Лев Гаврилович, – была обычная беспечность и рассупонивание. Да что ныне о том? От тебя треба – день за днём сказывать особенно запомнившееся о пребывании в колодках. Зело дотошно о приходе монголов и вызволении из неволи. С кем ушёл, куда и каким способом?

Трофим хотел было поинтересоваться, к чему всё это, но прикусил язык, едва Вадим Данилович взглядом пресёк его вопрос.

Здесь не до того. Тайная служба вопросов не любит, она их только задаёт.

И Трофим стал сказывать, долго, сбивчиво, порой до двух раз возвращаясь к одному и тому же.

Дошли до монголов, Вадим Данилович попросил более подробностей, задавал уточняющие вопросы, побуждающие Трофима вспомнить то, о чём и думать забыл.

Но повествование бывшего колодника окончилось, принесли квас.

Вадим Данилович позвал:

– Кирилл, всё ли успел записать?

– До последнего глагола, воевода, – отвечал невидимый писец.

Трофим удивлялся, но решил, что тайная служба и есть такова.

– Теперь о важном, Трофим, – сказал Лев Гаврилович, – о службе отчине нашей.

– Токмо и мыслю о том, воевода.

– Молчи и слушай, не перебивая, – предупредил воевода Вадим Данилович.

– Быть тебе преллагатаем тайной службы рязанского князя.

Тут и «ахнул» Трофим, но смолчал.

– Грамоте разумеешь ли?

– С детства обучен при Успенском соборе.

– Добре. Путь твой ляжет через Половецкие степи Дикого поля – путь, хоженный тобой, напрямик в страну Хорезм, где ныне хозяйничают монголы. Пойдёшь под видом чернеца. Остальное многажды обскажет Вадим Данилыч.

– Позволишь спрос, воевода?

– Спрашивай.

– Когда отправляться прикажешь? Я чай, не завтра?

Воеводы дружно рассмеялись.

Ответил Вадим Данилович:

– Тебе предстоит многое узнать, многому обучиться. Ежели увидим, что в силах и способен, тогда и отправишься – добывать нужные сведения... Но, одначе, может статься, что и не годе ты для таких справ.

– Как так не годе? – встрепенулся Трофим, даже воеводское порицание его в этот раз не остановило. – Я отчине служить хочу! А какой служба сия станет – не мне определять, где и как...

– Вот за эти словеса хвалю тебя, Трофим, – отозвался Лев Гаврилович. – Мыслишь верно. Поглядим.

– Служить отчине ты станешь, – успокоил Вадим Данилович. – Не преллагатаем, так в особой сотне, кою возглавляет Евпатий. Одначе скажу, дружинников много, им способен стать каждый, у кого руки на месте и голова не пуста, а преллагатаев от Бога недостаточно. Быть им – честь велика, труд велик, но опасен, многих потеряли... Там ведь что? Треба уметь хорошо, притворствоваться, менять личины. Разумеешь? Труд преллагатая высоко чтит сам рязан-

ский князь. В отчине ни в чём не будешь знать отказа. Коли женат, твоя семья на полном княжеском довольствии, а сгинешь, служа, жене и детям князь будет давать на безбедное житьё.

– Иноземную речь разумеешь, то ведаю, – сказал Лев Гаврилович. – Окромя половецкой, какую ещё?

– Постиг глагол монгольский, поверхностно, основное разумею, – охотно отвечал Трофим. – Не примите за бахвальство, но с иноземной речью у меня полный лад. Мне стоит трохи послушать, как звучат те или иные языки, – схватываю скоро.

– То дуже добре.

– В неволе говаривали мы на смешанном языке, что состоит из разных слов, разных наречий – кипчакских, хорезмских и прочих.

– Это как?

– В сию речь добавляли новые слова новые полоняники – ляхские, болгарские, угорские, дабы друг дружку разуметь.

– Я чай, и это сгодится, – кивнул Лев Гаврилович. – Теперь тако, Трофим, из града не отлучаться ни на шаг. Ждать вызова. Воевода Кофа с другими делами разгребётся и займётся вами вплотную.

– Нами? Я не один таковой?

Воеводы снова дружно рассмеялись его наивности.

– Нет, прелатаи у нас работают во всех сторонах света. Не ты один.

– Но помни, – сурово проговорил воевода Коловрат, – о толковище сём, что здесь слышал, ни одна живая душа знать не должна.

– Уяснил крепко.

– И остатне, Евпатий уезжает, я чай, не на один день. Просил до тебя довести. Сходи повидайся, успеваешь...

Вадим Данилович чуть приподнялся с лавки и, чуть повысив голос, позвал в соседнюю дверь:

– Мирон!

Мирон будто ждал за дверью, явился мгновенно: лицо добродушно, усы, борода, длинный кафтан чёрного цвета – ни дать ни взять священник из обители.

– Препроводи Трофима в конюшню и выдай жеребца подходящего.

Мирон поклонился и жестом пригласил Трофима следовать за ним.

– Корм жеребцу станешь отпускать каждый день, без задержек.

Трофим встал, поклонился сдержанно, только и вымолвил:

– Не подведу!

– Знамо, не подведёшь, – охотно ответил Коловрат. – Конь тебе не для почёта, а для скорости выполнения наказов, ежели такие сыщутся.

– Таковы сыщутся? – переспросил Трофим.

– Сыщутся. Теперь ты на коне. Ступай!

– Разумеешь, полезен станет в Средней Азии? – спросил Вадима Даниловича после ухода Трофима.

– Когда поймёт, в чём суть, проникнется. Пока для него всё поверхностно. Сейчас ему ещё сподручней в сотню и мечом помахать.

– Это ныне от тебя зависит, Вадим. Навыки воинские он растерял, но они легко восстанавливаются. А вот грамота, знание иноземной речи, особливо способность постигать её в короткий срок – это не растеряешь. Работай с ним. Куда ещё готовить станешь?

– Дербент у нас прихрамывает, Грузия с Азербайджаном явно хромают. Киевское и Черниговское княжества недостаточно охвачены.

– Значит, пока четыре. С княжествами можешь не торопить, свои всё ж. С остатними починай уже завтра.

– Понял, Лев Гаврилович.

С Евпатием простились, как старые друзья.

– Надолго?

– Не ведаю, Трофим. Может статься, и навсегда. Такова наша доля.

– Возвернёшься, меня в Рязани уже не будет.

– Ничего, мир велик, но и человек в нём тоже не песчинка. Встретимся, ещё и в одной сотне повоюем.

– Дай-то Бог!

Трофим огляделся по сторонам.

Алёша Суздалец дремал под навесом, Кондрат и Найдён хлопотали у лошадей, подтягивали сёдла, приторачивали припасы.

– Евпатий, – сказал шёпотом, как великую тайну. – Мыслю, дело твоё сложное и опасное. Запомни, ненароком встретите монголов и положение ваше станет совсем безвыходным, крикни им: «сотник Тургэн». Ежели сам сотник будет, ему говори: «рязанец и болгарин, ещё – Субедей». Кому другому пояснишь, что ведаешь Тургэна. Запомни имя, авось и сгодится. Вы ведь кипчакскую речь разумеете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.